

СБОРНИК

ЗЛКА

КНИЖКА ДЛЯ МАЛЕНЬКИХ ДЕТЕЙ

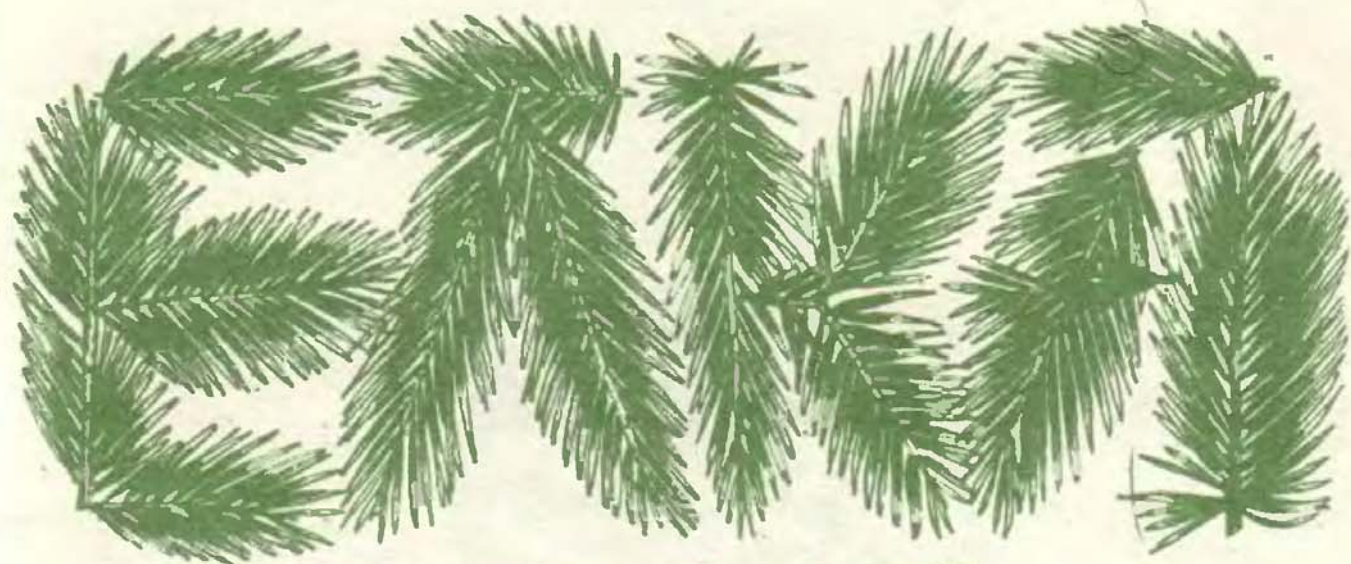
ПАРОВОДЪ

ДѢТСКІЯ КНИГИ

ПОДЪ
РЕДАКЦІЕЙ

АЛЕКСАНДРА БЕНУА
М. ГОРЬКАГО

КНИЖКА ДЛЯ МАЛЕНЬКИХЪ ДѢТЕЙ

**СОСТАВИЛИ
АЛЕКСАНДРЪ БЕНУА
И К. ЧУКОВСКІЙ**

Госуд. Тип.

Самовар

Было это летней ночью на даче.

В маленькой комнате стоял на столе у окна пузатый самовар и смотрел в небо, горячо распевая:

— Замечаете ли, чайник, что луна
Чрезвычайно в самовар влюблена?

Дело в том, что люди забыли прикрыть трубу самовара тушилкой и ушли, оставив чайник на конфорке: углей в самоваре было много, а воды мало, — вот он и кипятился, хвастаясь перед всеми блеском своих медных боков.

Чайник был старенький, с трещиной на боку, и очень любил дразнить самовар. Он уж тоже начинал закипать; это ему не нравилось, — вот он поднял рыльце кверху и шипит самовару, подзадоривая его:

— На тебя луна
Смотрит свысока,
Как на чудака, —
Вот тебе и — на!

Самовар фыркает паром и ворчит:

— Вовсе нет. Мы с ней — соседи,
Даже несколько родня:
Оба сделаны из меди,
Но она — тусклей меня,
Эта рыжая лунишка, —
Вон на ней какие пятна!

— Ах, какой ты хвастунишка,
Даже слушать неприятно! —

зашипел чайник, тоже выпуская из рыльца горячий пар.

Этот маленький самовар и вправду очень любил хвастаться, он считал себя умницей, красавцем, ему давно уже хотелось, чтоб луну сняли с неба и сделали из неё поднос для него.

Форсисто фыркая, он будто не слышал, что сказал ему чайник, — поёт себе во всю мочь:

— Фух, как я горяч!
Фух, как я могуч!
Захочу — прыгну, как мяч,
На луну выше туч!

А чайник шипит своё:

Вот извольте говорить
С такой особой.
Чем зря воду-то варить,
Ты — прыгни, попробуй!

Самовар до того раскалился, что посинел весь и дрожит, гудит:

Покиплю ещё немножко.
А когда наскучит мне, —
Сразу выпрыгну в окошко
И женюсь на луне!

Так они обе всё кипели и кипели, мешая спать всем, кто был на столе.
Чайник дразнит:

— Она тебя круглей.

— Зато в ней нет углей, —

отвечает самовар.

Синий сливочник, из которого вылили все сливки, сказал пустой стеклянной сахарнице:

— Всё пустое, всё пустое!
Надоели эти двое!

— Да, их болтовня
Раздражает и меня, —

ответила сахарница сладеньким голосом. Она была толстая, широкая и очень смешлива, а сливочник — так себе, горбатенький господин унылого характера с одной ручкой; он всегда говорил что-нибудь печальное.

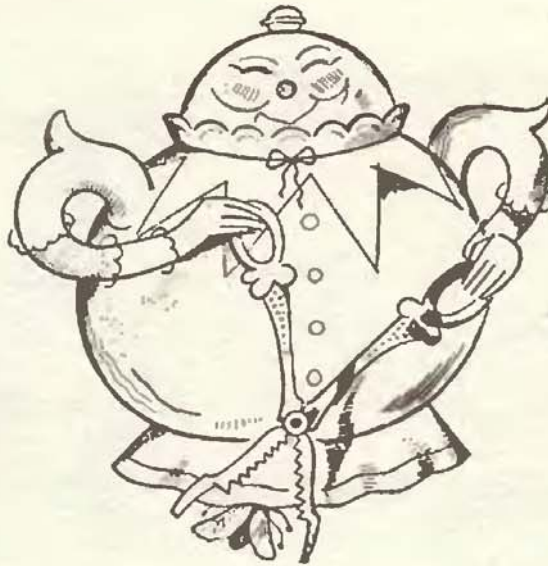
— Ах, — сказал он, —

Всюду — пусто, всюду — сухо,
В самоваре, на луне.

Сахарница, поёжившись, закричала:

— А в меня залезла муха
И щекочет стенки мне...
Ох, ох, я боюсь,
Что сейчас засмеюсь!

— Это будет странно — слышать смех стеклянный, — невесело сказал сливочник.

Проснулась чумазая тушилка и зазвенела:

— Дзинь! Кто это шипит?
Что за разговоры?
Даже кит ночью спит,
А уж полночь скоро!

Но, взглянув на самовар, испугалась и звенит:

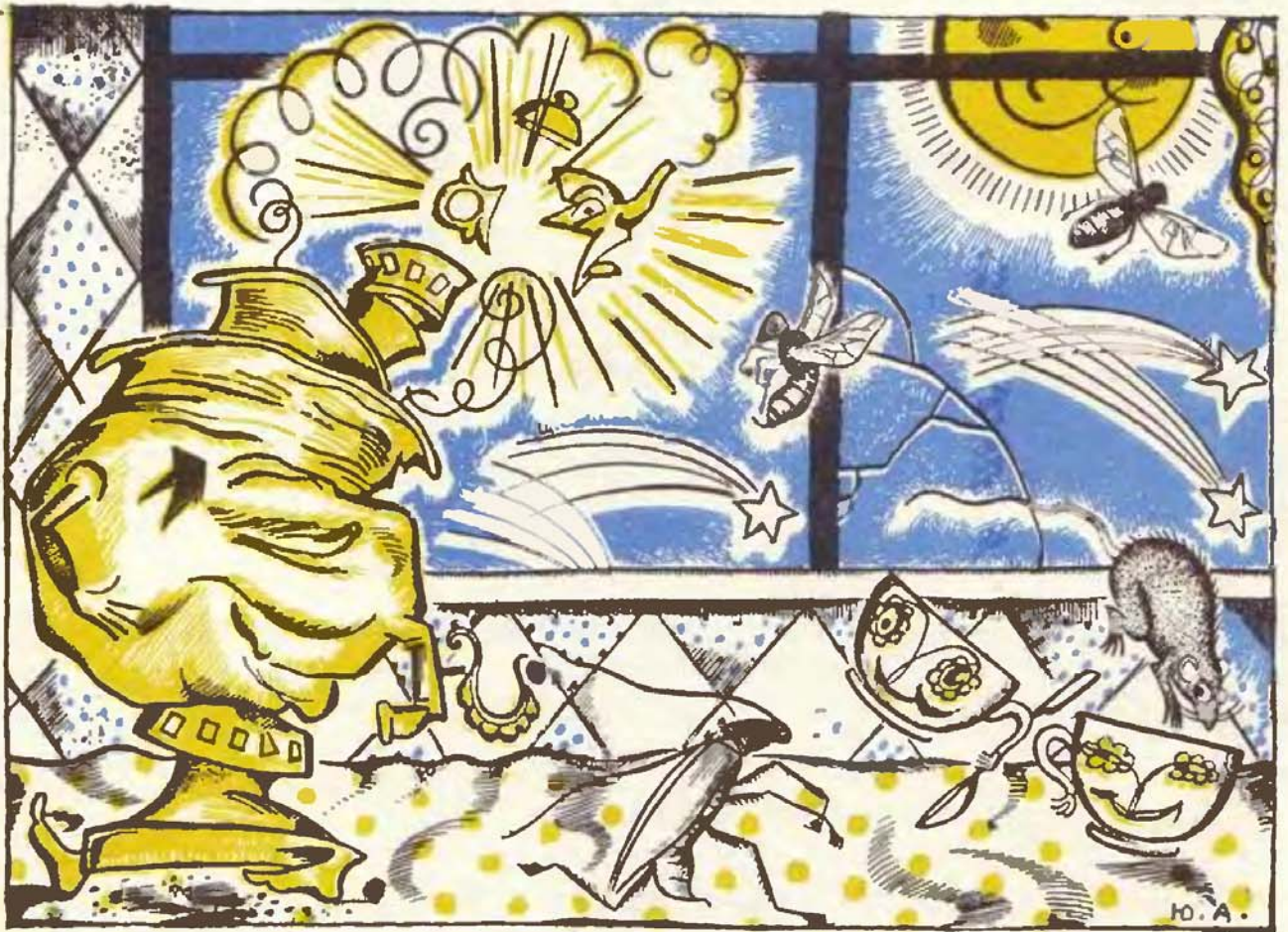
— Ай, люди все ушли
Спать или шляться,
А ведь мой самовар
Может распаяться!
Как они могли забыть
Обо мне, тушилке?
Ну, придётся им теперь
Почесать затылки!

Тут проснулись чашки и давай дребезжать:

— Мы скромные чашки,
Нам всё всё равно!
Все эти замашки
Мы знаем давно!
Нам ни холодно, ни жарко,
Мы привыкли ко всему!
Хвастун самоварко,
И не верим мы ему.

Заворчал чайник:

— Ф-фу, как горячо,
Жарко мне отчаяно.
Это не случайно,
Это чрезвычайно!

И — лопнул!

А самовар чувствовал себя совсем плохо: вода в нём давно вся выкипела, а он раскалился, кран у него отпаялся и повис, как нос у пьяного, одна ручка тоже вывихнулась, но он всё ещё храбрился и гудел, глядя на луну:

— Ах, будь она ясней,
Не прячься она днём,
Я поделился б с ней
Водою и огнём!
Она со мной тогда
Жила бы не скучая,
И шёл бы дождь всегда
Из чая!

Он уж почти не мог выговаривать слов и наклонялся на бок, но всё ещё бормотал:

— А если днём она должна ложиться спать,
Чтоб по ночам светлей сияло её донце, —
Я мог бы на себя и днем и ночью взять
Обязанности солнца!
И света и тепла земле я больше дам,
Ведь я его и жарче и моложе!
Светить и ночь и день ему не по годам, —
А это так легко для медной рожи!

Тушилка обрадовалась, катается по столу и звенит:

— Ах, это очень мило!
Это очень лестно!
Я бы солнце потушила,
Ах, как интересно!

Но тут — крак! — развалился самовар на кусочки, кран клюкнулся в полоскательную чашку и разбил её, труба с крышкой высунулась вверх, покачалась, покачалась и упала на бок, отколов ручку у сливочника; тушилка, испугавшись, откатилась на край стола и бормочет:

— Вот смотрите, люди вечно
Жалуются на судьбу,
А тушилку позабыли
Надеть на трубу!

А чашки, ничего не боясь, хохочут и поют:

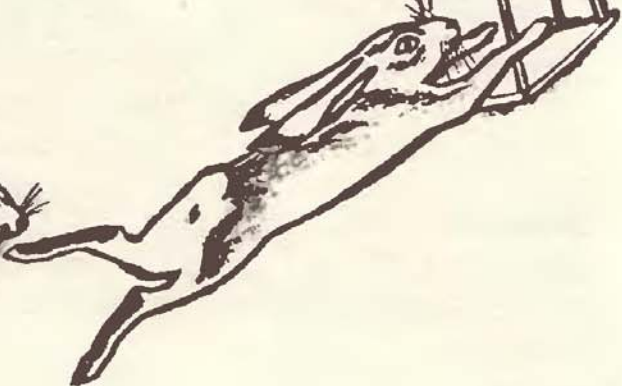
— Жил-был самовар,
Маленький, да пылкий,
И однажды не прикрыли
Самовар тушилкой!
Был в нём сильный жар,
А воды немного;
Распаялся самовар, —
Туда ему дорога,
Туда и дорога-а!

М. Горький
Рисунки Ю. Анненкова

Как прыгал зайчик

Ой, как тонко-тоненько
Мишка завизжал:
Зайчик с подоконника
Прыгнул-побежал —
С няни да на Мишку,
С Мишки — на книжку,
С книжки — на стенку,
Со стенки — на коленку,
С коленки да на пол,
С полу — на полку,
С полки — на ёлку,
Прямо в зубы волку.
Прыг! и пропал...

Натаи Венгров

ДЖЕК

ПОБЕДИТЕЛЬ ВЕЛИКАНОВ

АНГЛИЙСКАЯ НАРОДНАЯ СКАЗКА, С РИСУНКАМИ В. ЗАМИРАЙЛО

орошо было в деревне. Люди жили и радовались. Вдруг откуда-то пришёл великан Корморан и поселился в пещере — страшный, рыжий, зубатый, с дубиной.

Каждое утро он выходил на дорогу и кого поймаёт, того

съест: козла, петуха, свинью. Кошку поймаёт — и кошку съест. Схватит человека — и в рот. Один мужик вёз дрова на базар, так великан Корморан сожрал и его, и кобылу, и дрова, и телегу, — даже кнута не оставил. Жадный был обжора, ненасытный.

Мужики боялись его. Они и не думали отнимать у него своё добро, а сами же приносили ему что повкуснее:

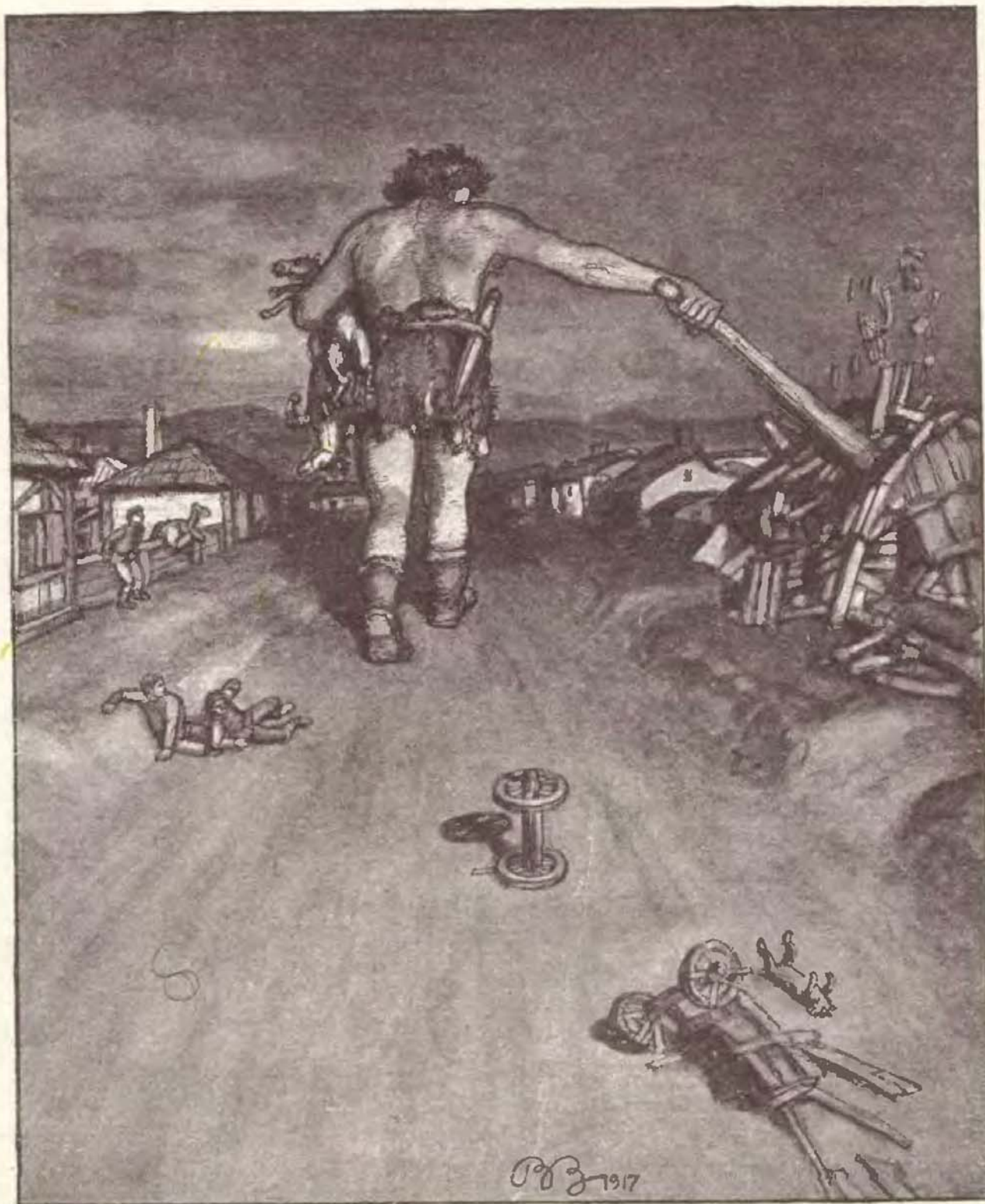
- Скушайте, господин Корморан!
- Приятного аппетита, господин Корморан!
- Не желаете ли ещё, господин Корморан?

И кланялись ему, как важному барину. А он ходит, злодей, по деревне и давит их сапогами, как мух. А то хлопнет по домишкам дубиной, домишки вдребезги, а ему хоть бы что. Шла по улице девочка Дженни, так он, бессовестный, и её проглотил, — и как не подавился, злодей!

Но почему же мужики не прогнали его? Ведь если бы все они, сколько их есть, накинулись на него с топорами, небось, он перестал бы злодействовать, испугался бы, забился бы в берлогу, но мужики были трусы, но мужики были глупы и стукали лбом перед мучителем:

- Скушайте ещё, господин Корморан.

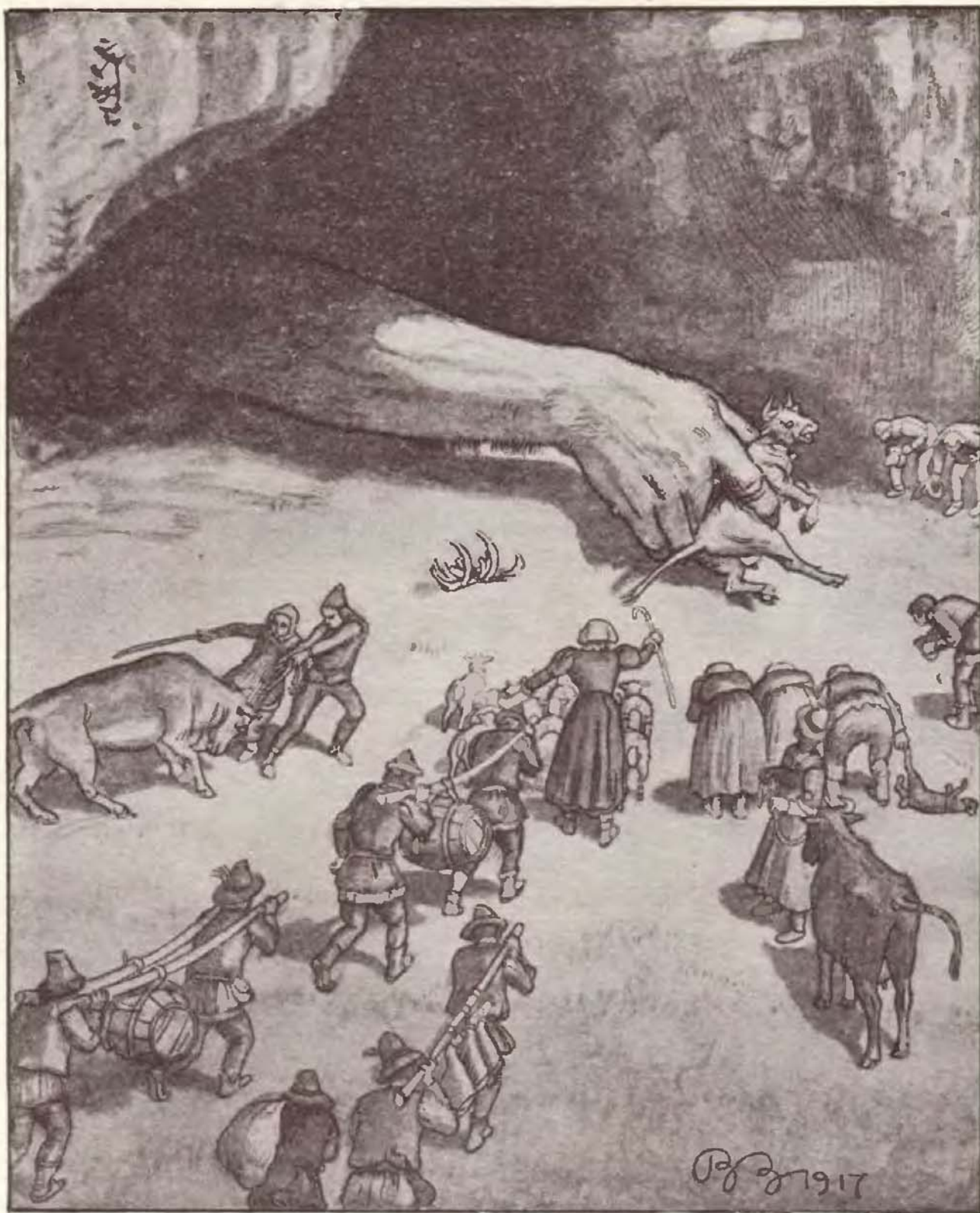
А господину Корморану чего же и нужно. Он растолстел, разжирел, стал такой огромный, как дом, уж ему лень повернуться: валяется в пещере весь день, а вечером проснётся и крикнет:

— Эй ты, мужичок, иди-ка сюда, да живее, я тебя сейчас буду есть.
— Иду, ваша милость, иду, — покорно отзывался несчастный. — Вот он я, весь перед тобою! Кушай меня на здоровье!

И жил бы великан Корморан тысячу лет до сегодня и съел бы и меня и тебя, если бы не маленький мальчик, которого звали Джек.

Джек был смелый, никого не боялся; он решил наказать великана, отрубить ему голову, чтоб не смел никого обижать.

Такой маленький, как же он справится с таким огромным чудовищем! Да великан его пальцем раздавит, дунет на него — и конец: Джек улетит, как пылинка!

И всё же Джек спозаранку, чуть свет, когда все ещё спали, взял отцову большую лопату, пробрался тихомолком к пещере, где жил великан, и стал тут же, у самого входа, копать большую, глубокую яму. Трудно было

копать: земля мёрзлая, пальцы леденеют, лопата вываливается, но Джек не унывает, копает, копает, копает, копает, копает, не остановится ни на минуту отдохнуть.

Великан не спит. Он сидит в пещере у костра и доедает телёнка. Вот он взял огромное полено и стал ковырять им в зубах. Это его зубочистка. А какие у него страшные зубы! Торчат изо рта, как ножи.

У Джека сломалась лопата. Джек царапает землю ногтями. Яма всё шире, всё глубже. Джек прикрыл её сосновыми ветками, а ветки засыпал снежком, — издали и незаметно, что яма; кажется, что гладкая земля.

Выкопав яму, Джек страшно устал, но и не подумал об отдыхе. Он отошёл на несколько шагов и крикнул:

— Эй ты, Корморашка, вставай, или я откушу тебе голову!

И кинул камень прямо в лоб великану.

Тот разозлился и яростно, со страшным ругательством, бросился за Джеком из пещеры, да бух в яму, на самое дно! Он думал, что прыгает на гладкую землю, а прыгнул в западню, прикрытую ветками.

Он и туда и сюда, плачет, ругается, грозит кулаками, а Джек говорит ему:

— Ты сам виноват. Так тебе и надо, злодею. Ты думал, можно мучить людей безнаказанно; вот тебе награда за твои злодеяния.

И отрубил ему голову.

Когда в деревне узнали об этом, вот радовались, вот веселились.

— Он наш спаситель! — говорили о Джеке и обнимали и целовали его. А девушки подарили ему шёлковый пояс, на котором были вышиты слова:

«Самый сильный, самый смелый человек —

Это Джек.

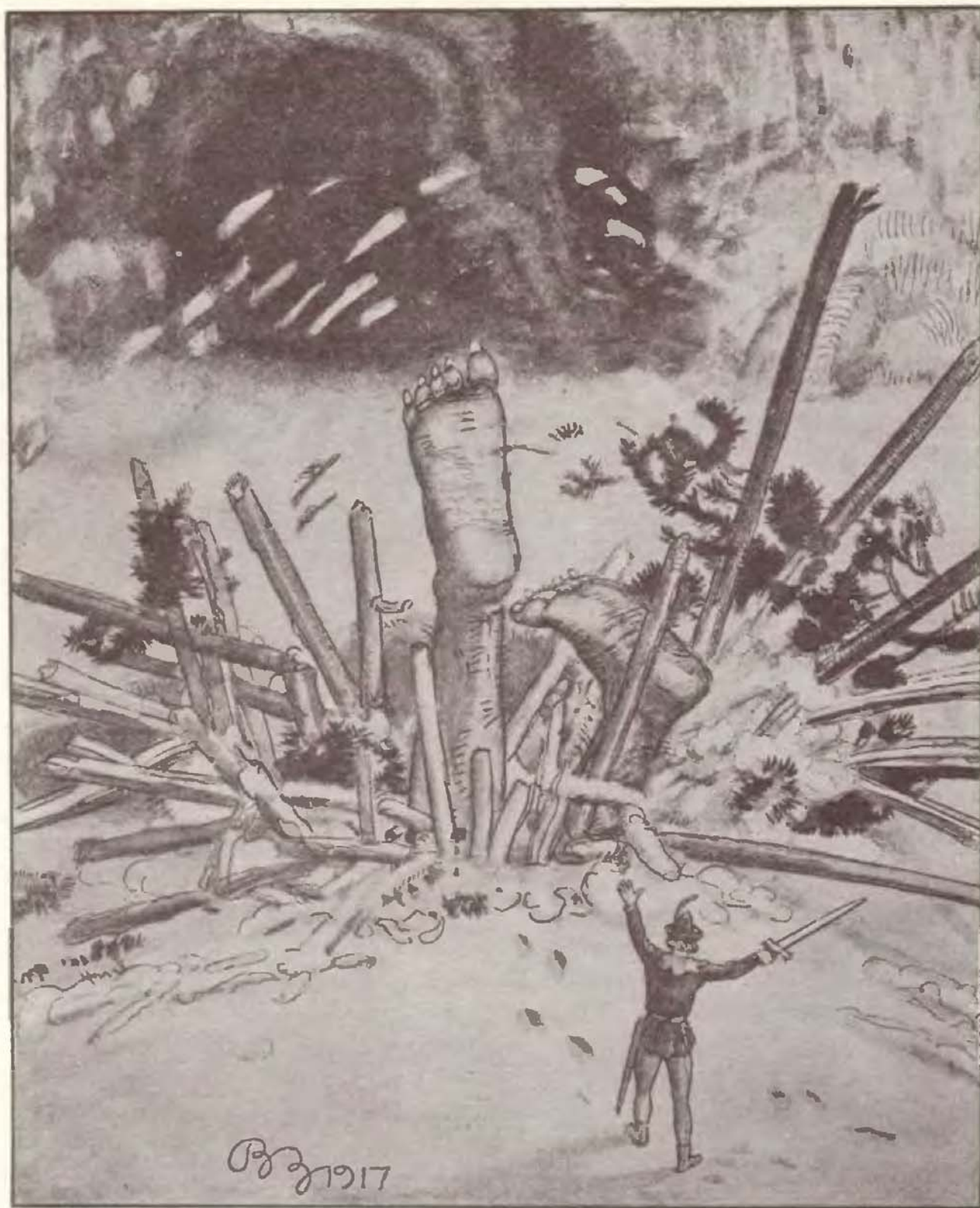
Победил он великана

Корморана».

Джек опоясался этим шёлковым поясом, наточил свою саблю и ушёл путешествовать. Очень ему хотелось победить и других великанов, которые мучат и терзают людей. Особенно ненавистен ему был великан Блендербор, дядя Корморана, — такой же злодей, как и племянник. Джек только о том и мечтал, как бы победить Блендербора. Но пришла весна, пришло лето, а Блендербор не попадался. Вот однажды, устав от духоты и жары, Джек кинулся в канаву и заснул, а мимо, как нарочно, идёт Блендербор. Прочитал Блендербор, что вышито у Джека на поясе, и задумал его погубить:

— Я отомщу тебе, негодный мальчишка, за моего милого племянника.

Блендербор был не простой великан, а двухголовый: у него были две головы — одна маленькая, другая большая. Они вечно враждовали друг с дружкой и откусили бы друг дружке носы, если бы великан не давал им шелчков. Увидя спящего Джека, одна голова закричала, что его нужно сварить, а другая — что его нужно изжарить. От злости они начали стучаться лбами.

— Сварить! — кричала одна голова.

— Изжарить! — кричала другая.

Увидев, что Джек проснулся, они сразу прикусили языки, притворились добрыми и ласковыми и вдруг тоненькими голосками запели:

— Хорошо ли тебе, деточка, в канавке?

— Хорошо ли тебе, маленький, на травке?

- Мы тебя, голубчика, так любим.
- Приласкаем мы тебя и приголубим.
- Мы снесём тебя, голубчика, в постельку.
- Мы тебя уложим в колыбельку.
- Угостим тебя мы леденцами.

Тут они засмеялись и шёпотом сказали друг другу:

- А потом покушаем и сами.

Они думали, что он не слышал этих слов, но Джек отлично их слышал. Он понял, что злодей Блендербор замышляет взять его к себе во дворец — и съесть. Он попробовал улизнуть, но тот схватил его и сунул в карман. Принес к себе во дворец, вынул из кармана и положил на кровать.

- Спокойной ночи, деточка! — сказала одна голова.
- Приятных сновидений, малюточка! — сказала другая.

Обе они ласково поклонились ему, но Джек слышал, как они говорили за дверь: «Когда этот мальчишка уснёт, цокнем его дубиной по голове, положим в кастрюльку и сварим».

- Нет, изжарим!
- Нет, сварим!

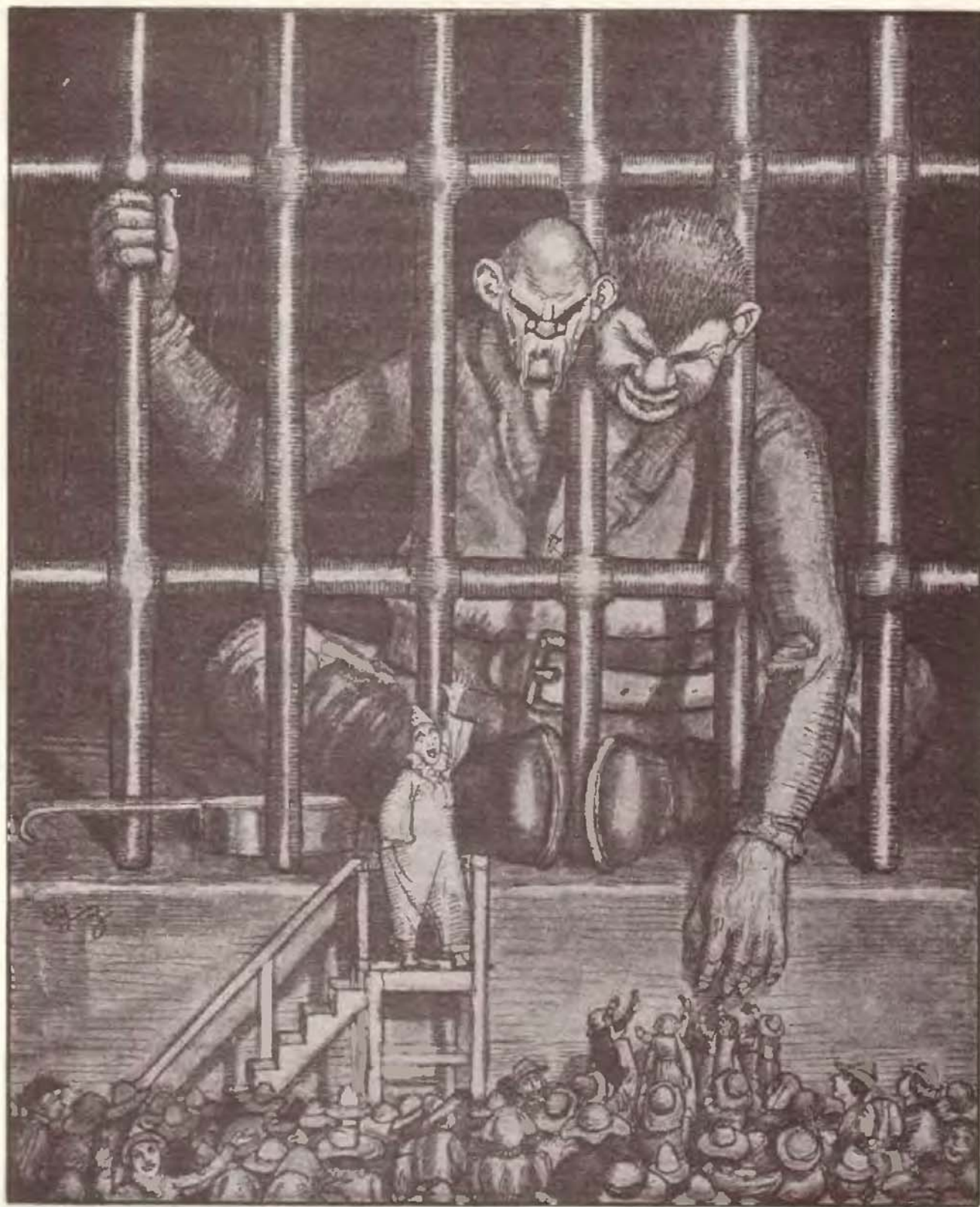
Джек вскочил на ноги и стал в ужасе бегать по комнате. Убежать бы! Но комната заперта. И вдруг он придумал хитрую штуку. Вот здорово! Он спрячется тут за печкой, а на кровать положит, вместо себя, вот это полено из печки: оно как раз такого роста, как он. Сказано — сделано: полено лежит на кровати, Джек укрывает его одеялом, а сам прячется за печкой и ждёт. Вот послышались шаги великана, весь дворец задрожал, как коробочка. В руках у великана дубина, он подкрался к Джекиной кровати и как хлопнет по полену: раз! раз! Перебил полено пополам, а Джек сидит себе за печкой невредимый.

— Наконец-то я покончил с мальчишкой! — весело сказал великан и ушёл, а дверь не закрыл. Джек пробрался к великану в спальню. Тот лежал на кровати и спал. Джек засунул руку под подушку и вытащил большой железный ключ, на котором было написано: *ключ от подвала*. Джек давно уже знал, что у великана в подвале дворца томится в неволе прекрасная принцесса Монесса; он побежал в подземелье, выпустил принцессу на волю, а сам скорей в опочивальню и заснул.

Утром он проснулся, умылся и входит в покой к великану. Великан как увидел его, задрожал. Неужели это Джек? Откуда? Ведь он сам своею рукою раздробил ему череп дубиной:

- Ты живой? Ты не умер?
- С чего же мне умирать? — сказал Джек.
- А ночью... ты не чувствовал ударов?

— Пустяки! — сказал Джек, — пробежала какая-то мышка, хлопнула меня по носу хвостиком — и убежала.

«Ну и силач! — подумал великан. — Недаром он победил Корморана. Для него моя дубина — всё равно что мышкин хвост. Он гораздо сильнее меня».

Пошёл великан в подземелье, а принцессы Монессы нет: Джек освободил её из плена. «Должно быть, этот Джек чародей», — подумал великан, оторопев; побсжал к Джеку, да бух на колени:

— Не погуби, пощади, больше не буду, ей-Богу.

— Не бойсь! — сказал Джек. — Я и так тебе верю. Встань, я дарю тебе жизнь. Но помни: если ты обидишь хоть одного человека, я отрублю тебе обе твои головы.

И повёл великана в город. Тот шёл за ним, как маленький ребёнок. Джек привёл его на ярмарку к содержателю цирка, который посадил его в клетку и стал показывать детям. Дети очень полюбили великана, кормили его сахаром, изюмом, гладили его по головам.

А Джека позвал к себе старый король, отец прекрасной принцессы Монессы.

— Ты спас мою дочь, — сказал он. — Возьми же её в жёны.

Но Джек ответил:

— Спасибо, не надо. Неохота мне жениться на принцессе. Я женюсь на свинопасовой дочке.

Вот была свадьба! Пировали всю ночь, а потом пошли к великановой клетке и стали кормить великана пряниками.

Пересказал К. Чуковский

О ГЛУПОМ ЦАРЕ

НОРВЕЖСКАЯ СКАЗКА. РИСУНКИ В.ХОДАСЕВИЧ. ПЕРЕСКАЗ К.ЧУКОВСКОГО

ил-был Петер, без отца, без матери. Он варил себе кашу. Вдруг видит: идёт к нему царь. Вздумал Петер подшутить над царём: вытащил из печки котёл, в котором варилась каша, поставил котёл на пол, а сам сел у котла и запел:

— Варись, моя каша,
Без огня, без жару,
Для мышат, для котят,
Для мохнатых чертенят.

Царь вошёл в избу и удивился:

— Что это ты, Петер, сидишь на полу?

— Кашу варю, — отвечает Петер. — Видишь, булькает, сейчас закипит.

— А где же огонь? где же печка?

— А я без огня, — отвечает Петер. — Поставлю её на пол, и кипит.

На огне всякий дурак сварит кашу, а ты попробуй, свари без огня!

— Без огня!

— Смотри сам.

Сел царь на корточки, смотрит: каша и вправду кипит — булькает в горячем котле!

Сунул царь палец, обжёгся.

— Вот так чудо! — удивляется царь. — Что это у тебя за чудесный котёл?

— Заколдованный! — отвечает Петер. — Сыпь в него что хочешь, ставь его на голой земле, всё сварит, и печки не надо.

У царя от жадности даже слюна потекла. Ласково посмотрел он на Петера:

— Продай мне, Петруша, этот котёл.

— Нет, не продам, не могу. Неохота мне за дровами ходить.

— Ну пожалуйста.

— Нет, ни за что.

Долго упрашивал царь. Наконец Петер согласился. Высыпал кашу в горшок, подал царю пустой котёл и сказал:

— Сыпь сюда золото до самого верху. Золото — мне, а котёл — тебе.

Царь отвалил ему золота, схватил котелок и бегом.

Прибежал во дворец, созвал своих вельмож и говорит:

— Вот сейчас я угощу вас обедом, какого вы не ели никогда!

Вельможи обрадовались: они были очень голодные.

Царь поставил котёл посреди дворца, навалил туда сала, картошки, налил воды, накрыл крышкой и ждёт, что вот-вот закипит. Ходит над котлом и улыбается.

Вельможи улыбаются тоже: давно они не ели картошки.

Но проходит час, проходит два, а картошка и не думает вариться. Вода в котле ледяная-холодная.

Царь поминутно подбегает к котлу, трогает его справа и слева, а котёл холоднее, чем был.

Вельможи с голоду хмурятся, дуются: не доведётся им сегодня обедать.

Люди заглядывают в окна дворца и гогочут.

Понял царь, что Петер насмеялся над ним, — как подбежит к котлу, как ткнет его со всего размаха ногой, картошка так и рассыпалась по полу, а сам замахал кулаками и без шапки — бегом — прямо к Петеру.

— Вот я тебе покажу! погоди!

II

А Петер взял пистолет, зарядил его клюквой и сказал своей сестре Катерине:

— Я ложусь спать. И смотри, чтобы меня не будили. Кто разбудит, того застрелю.

Лег на кровать и храпит.

Тут вбежал в избу царь, разъярённый. Машет руками, орёт:

— Где этот обманщик? Где злодей?

— Тише, ваша милость, мой брат почивает, — шёпотом говорит Катерина. — Пожалуйста, не будите его.

— Разбудить негодяя сию же минуту! — заревел иступлённый царь.

— Рада бы, да не смею: убьёт.

— А не разбудишь, так убью тебя я!

Нечего делать, подошла Катерина к кровати и крикнула:

— Петер, вставай!

Вскочил Петер на ноги и хлоп! — выстрелил в сестру из пистолета. Сестра так и грохнулась на пол. Из раны у неё хлынула кровь: на самом деле то была не кровь, а клюквенный сок, потому что Петер зарядил свой пистолет не пулей, а клюквой, — но царь не знал об этом и завопил:

— Что ты наделал? Убийца! Ты убил свою родную сестру!

— Не беда! Не беспокойся, — сказал Петер. — Я могу её и воскресить.

— Да ведь она умерла!

— Ну так что ж. Вот смотри: я достаю из кармана волшебную дудочку, играю на ней тра-та-та, и сестра моя поднимается с полу и танцует, как ни в чём не бывало.

Он заиграл тра-та-та и лукаво подмигнул своей сестре.

Та вскочила и пошла танцевать.

— Продай эту волшебную дудочку мне, — взмолился одураченный царь.

Долго не соглашался Петер, наконец продал царю самодельковую камышёвую дудочку за тысячу тысяч рублей.

Царь сунул дудку в карман и весело побежал во дворец. А на встречу ему царица, сварливая, злая старуха. Стала она кричать на царя, вцепилась ему в бороду, отхлестала по щекам; он разозлился, схватил пистолет и хлоп из пистолета в неё.

Царица так и грохнулась наземь.

— Что вы наделали? — закричали вельможи. — Вы застрелили царицу!

— Не беда, — отвечает царь, — пустяки. Я могу ведь её воскресить.

— Да она умерла!

— Ну так что же! Вот смотрите: я достаю из кармана волшебную дудочку, играю на ней тра-та-та... и царица поднимается с полу.

Но как он ни старался, как ни дул, мёртвая лежала и не двигалась. У царя чуть не лопнули щёки, чуть не выскочили глаза из лба, так он сильно дул в свою дудку, а убитая жена не воскресла.

Понял царь, что Петер опять насмеялся над ним, и в бешенстве бросился к Петеру.

А Петер стоит на пороге избы, ухмыляется.

— Связать этого молодца! — крикнул царь. — И посадить его в бочку! Пусть знает, как смеяться надо мною.

Вельможи схватили Петера, поволокли его на высокую гору, посадили в дубовый бочонок, наглухо заколотили и ушли.

Завтра, чуть свет, придёт царь — и толкнёт его ногою прямо в море!
Но Петер и не думает плакать. Он весело и лихо поёт:

— Как я рад, как я рад,
Что вы все пойдёте в ад.
Я же в небо укачу,
Прямо в рай улечу.

Шёл мимо богатый старик. Смолоду он был большой грешник и знал, что не миновать ему ада. А ему, конечно, хотелось в рай. Он только

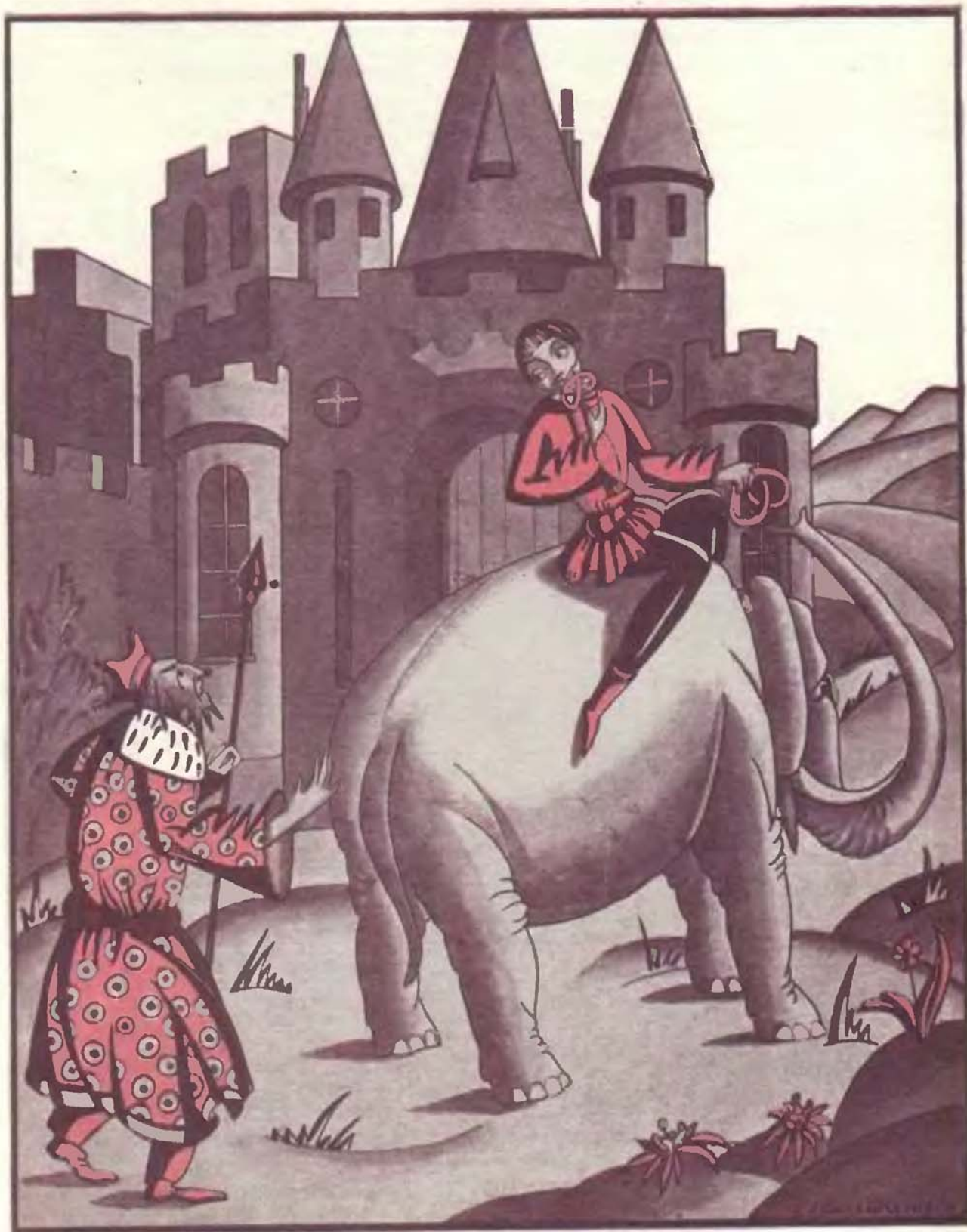
и думал о том, как бы попасть ему в рай. Услышал он Петерину песню, подошёл к бочонку и спрашивает:

— А откуда ты знаешь, что попадёшь в рай?

— Разве ты не видишь, — отзывается Петер, — что этот бочонок волшебный? Он сделан из райского дерева. Посади в него самого лютого грешника, и тот полетит прямо в рай. Я нарочно залез в него, чтобы очутиться в раю.

— Да не может быть! — закричал грешник, и даже руки у него задрожали. — Пусти меня в эту бочку.

— Что ты, что ты! — возражает Петер. — Бочонок тесный, не поместиться вдвоём.

— Ну так, голубчик, выходи из бочонка. Я дам тебе всё, что захочешь.

— Что же ты дашь?

Старик был богаче царя. Он выпустил Петера из бочки и дал Петеру все свои сады и дворцы, всех своих слонов и верблюдов — и с радостью залез в бочку сам:

— Скоро я буду в раю.

Петер забил его наглухо и, спрятавшись за кусточком, видел, как утром, чуть свет, прибежал в одном халатике царь, толкнул бочку ногой, и бочка покатилась прямо в море.

— Наконец-то я покончил с Петером! — радостно сказал царь и побежал обратно во дворец.

Прибегает к крыльцу, а у крыльца стоит слон. На слоне сидит Петер и уплетает рассыпчатый крендель.

Царь так удивился, что даже рот от удивления разинул.

— Откуда ты взялся, Петер? Откуда у тебя этот слон?

— А с морского дна, — отвечает Петер. — Там слонов без счёту, бери, сколько хочешь.

— Да не может быть!

— Ну конечно. Кто же этого не знает! Там, под водою, сидит царь Элефант, он велел тебе кланяться и зовёт тебя к себе погостить. Он даст тебе слона какого хочешь: зелёного, синего, розового.

Царь даже подпрыгнул от радости. Он был очень жадный и любил, когда ему дарили слонов.

— Милый Петер, посади меня скорее в бочку, я еду к морскому царю.

И бросился бегом на высокую гору и сам залез в бочку, но, как ни сжимался, ни ёжился, бочка была для него слишком мала. Корона торчала наружу и мешала царю поместиться в бочке. Тогда он снял корону, надел на Петра и сказал:

— Носи её, пока не вернусь. Да смотри, чтобы она не пропала.

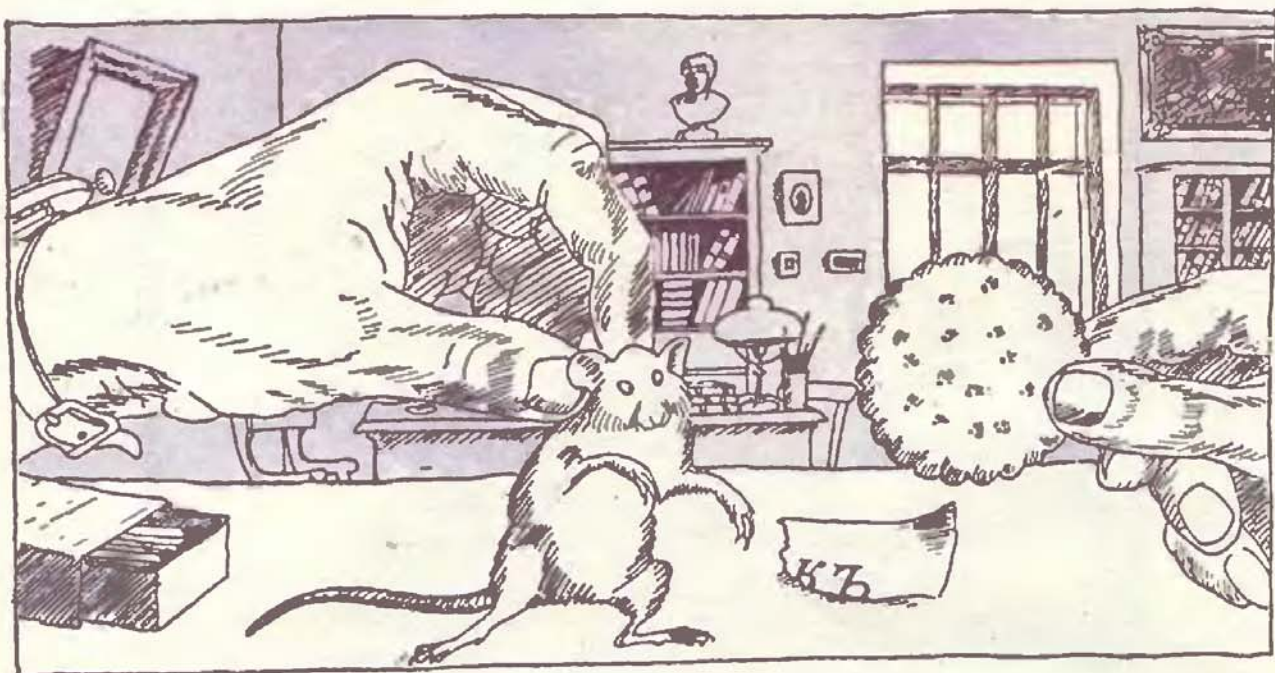
— Не бойся, не пропадёт! — отвечал ему Петер, толкнул бочку сапогом и ушёл.

Люди увидели Петра в короне и закричали: «Он царь!»

И стал Петер царём, и все радовались, что избавились от глупого царя. Особенно ликовали вельможи: давно они не ели картошки.

Пересказал К. Чуковский

РАЗГОВОР ЧЕЛОВЕКА С МЫШКОЙ, КОТОРАЯ ЕСТ ЕГО КНИГИ

Мой милый Книжник, ты совсем
Опять изгрыз два тома. Ловок!
Не стыдно ль пользоваться тем,
Что не люблю я мышеловок?

Хоть бы с меня пример ты брал!
Я день-деньской читаю книжки,
Но разве ты хоть раз видал,
Что я грызу их, как коврижки?

Из книг мы знаем, как живут
Индейцы, негры, эскимосы:
В журналах люди задают
Друг другу умные вопросы:

Где путь в Америку лежит?
Как ближе: морем или сушей?
Ну, словом, — вот тебе бисквит,
А книг, пожалуйста, не кушай.

Владислав Ходасевич

БЛОШКИ

Весёленькие блошки,
Две блошки-быстроножки,
Сегодня поутру
Затеяли игру...

Играли, танцевали,
Ныряли в одеяле,
И скок себе да скок
На Викушкин чулок...

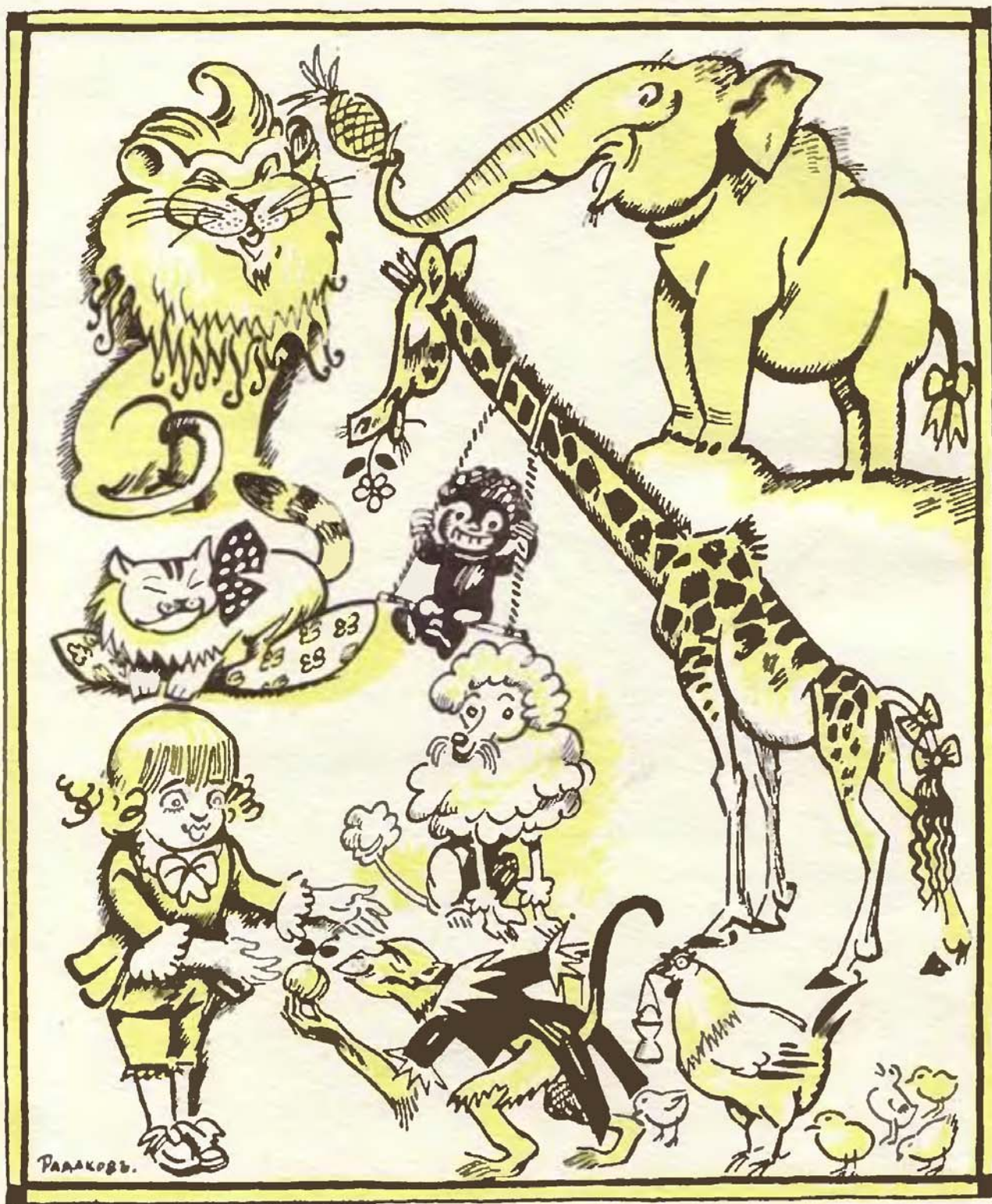
Лежал чулок на стуле —
Здесь блошки отдохнули...
И дальше прыг-прыг
На нянин воротник...

Вот здесь пошло веселье:
На ухо няне сели,
И ну играть-скакать
На седенькую прядь!..

Смеются и хохочут,
Ей за ухом щекочут...

Вдруг...
Караул!
Няня — за ухо
(Ишь ты, старуха!)
Блошек — ловить!
Хватать! Давить!
А те — из-под рук
Да на стул
Под чулок —
И... молчок!..

Натан Венгров

ЗВЕРИ ДЛЯ ХОРОШИХ ДЕТЕЙ

ЗВЕРИ ДЛЯ НЕХОРОШИХ ДЕТЕЙ

КАК ПРОПАЛА БАБА-ЯГА

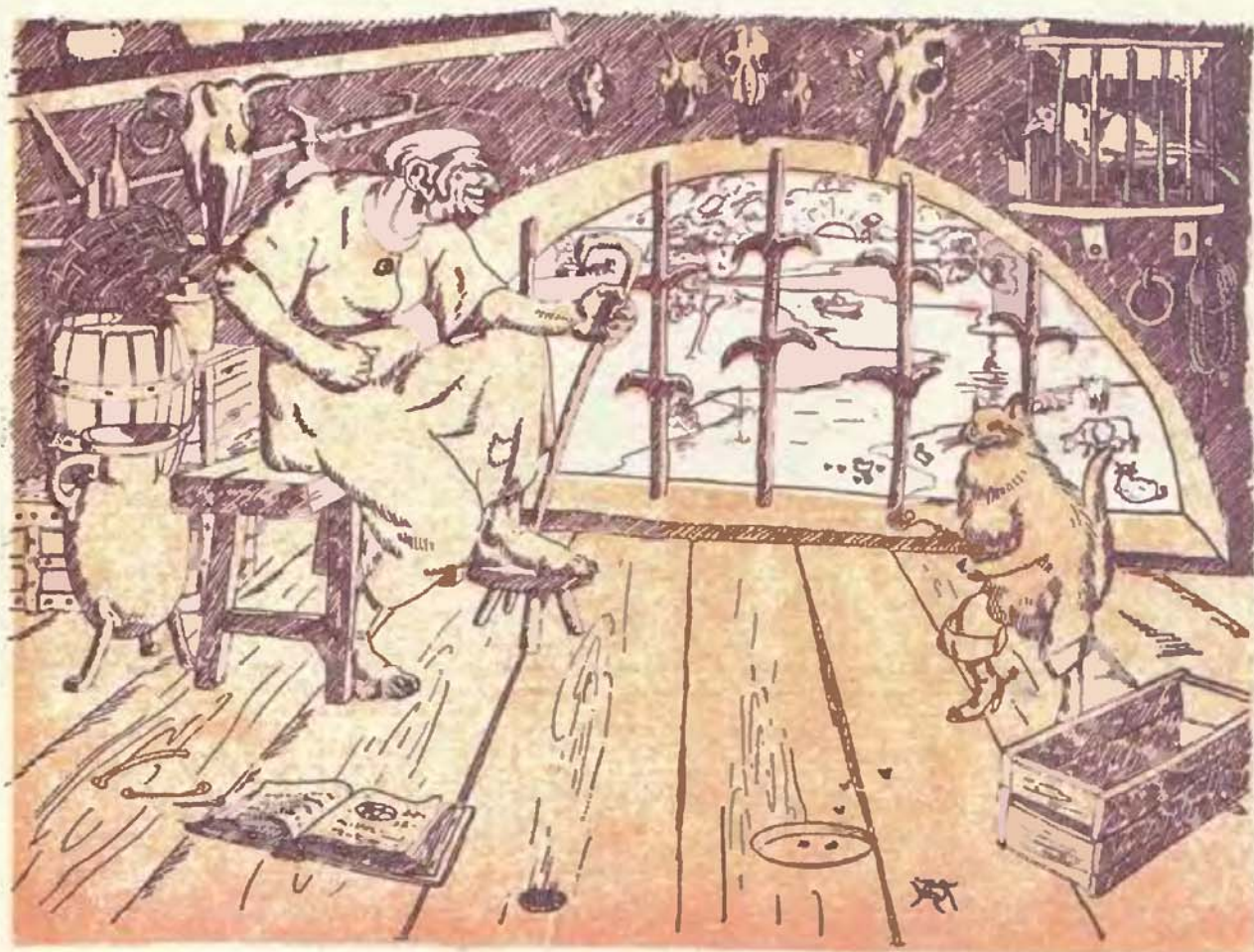
СКАЗКА Н. ЛЮБАВИНОЙ, ИЛЛ. Б. ПОПОВА

Жила-была Баба-Яга. Злющая. Жила она одна в высокой башне. Пуще всего не любила она маленьких детей. Увидят её дети, и ну плакать, а она их цап-царап! И съест. Не терпела Баба-Яга детского плача.

Вот однажды пришёл к башне маленький мальчик. Был он весь кругленький, точно апельсин. И щёки у него были красные, как два королька.

Видит мальчик: в окошке Баба-Яга сидит, а около неё кот вертится. Недолго думая, влез мальчик на башню.

Посмотрел он на Бабу-Ягу. Увидел, что у неё на конце носа волосок завивается, да как начнёт смеяться, так что даже на пол от смеха свалился. И катается по полу, смеётся и катается.

Хочет Баба-Яга схватить его, — а мальчик у неё из-под рук катится, как апельсин.

Она за ним, а он смеётся, и дальше.

Она за ним, а он ещё дальше.

А за ними, за обоими, кот вприпрыжку...

Ловила Баба-Яга мальчика, ловила да и сама давай смеяться. Насмеявшись вдоволь, встал мальчик, подошёл к Бабе-Яге и говорит:

— Какая ты Баба-Яга?! Смеёшься! Я тебя не боюсь!

Сунул руки в карманы и пошёл.

— Нет никакой Бабы-Яги!

Перестали с тех пор дети бояться Бабы-Яги. Что это за Яга — смешная! Заросли дорожки к её башне. Сама башня пропала, а Баба-Яга большой зелёной птицей улетела за тридевять морей в тридесятое царство.

Г.В.

МОЯ УЧИТЕЛЬНИЦА

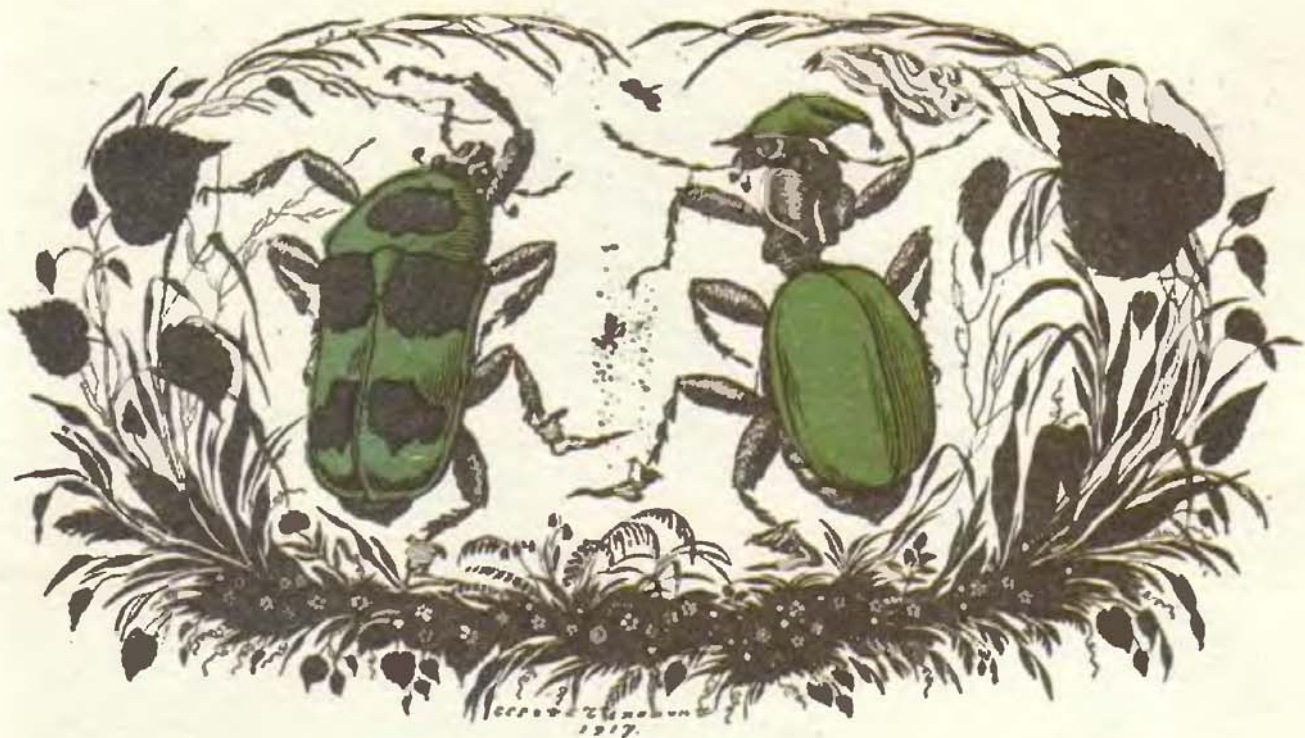
Погляди, какая злючка!
 Нос, как закорючка!
 На затылке — хвост мышиный!
 Зубы — в три аршина!
 Только и знает, —
 Шпыняет:

— Котёнка не гладь!
 — Мух не считай!
 — Пиши в тетрадь
 Слова на «ять»!
 — Читай! Читай! Читай! Читай!

А мне бы на двор, да в рощицу!
 А на солнце утёнок полощется...
 А в окошко
 Кошка
 Пробирается.

А она опять придирается:
 — В окно не гляди!
 Под стол не лезь!
 — Сиди
 Здесь!
 У.... у! Противная!

С. Дубнова и Н. Венгров

ДВА ЖУКА

Жили-были два жука,
Два жука.
Жизнь у них была легка:
Пляшут, взявшись за бока,
Полевого трепака,
Дразнят ос и паука.
Ничегошеньки не боятся,
Всё жужжат и веселятся —
Два жука.

Два жука весёлых
В зелёных камзолах,
В красных сапожках
На тоненьких ножках.

Мария Моравская

Трубочист

Кто пришёл? Трубочист.
Для чего? Чистить трубы.
Чернощёкий, белозубый,
А в руке огромный хлыст...

Сбоку ложка, как для супа.
Кто наврал, что он — злодей?
В свой мешок кладёт детей?
Это очень даже глупо!

Он совсем, совсем не страшный:
Сажу высыпал на жёсть,
Бублик вытащил вчерашний —
Будет есть.

Рано утром на рассвете
Он встаёт и кофе пьёт,
Чистит пятна на жилете,
Курит и поёт.

Видишь, вот берёт он шапку.
Улыбнулся. Видишь, да?
Дай ему скорее лапку!
Сажу смоешь, — не беда!

Саша Черный

ПРО ИВАНУШКУ ДУРАЧКА

РУССКАЯ НАРОДНАЯ СКАЗКА

Жил-был Иванушка-Дурачок, собою красавец, а что ни сделает, всё у него смешно выходит, не так, как у людей.

Нанял его в работники один мужик, а сам с женой собрался в город; жена и говорит Иванушке:

— Останешься ты с детьми, гляди за ними, накорми их!

— А чем? — спрашивает Иванушка.

— Возьми воды, муки, картошки, покроши да свари — будет похлёбка!

Мужик приказывает:

— Дверь стереги, чтобы дети в лес не убежали!

Уехал мужик с женой; Иванушка влез на полати, разбудил детей, стащил их на пол, сам сел сзади их и говорит:

— Ну вот, я гляжу за вами!

Посидели дети некоторое время на полу, — запросили есть; Иванушка втащил в избу кадку воды, насыпал в неё полмешка муки, меру картошки, разболтал всё коромыслом и думает вслух:

— А кого крошить надо?

Услыхали дети, — испугались:

— Он, пожалуй, нас искрошит!

И тихонько убежали вон из избы.

Иванушка посмотрел вслед им, почесал затылок, — соображает:

— Как же я теперь глядеть за ними буду? Да ещё дверь надо стеречь, чтобы она не убежала!

Заглянул в кадушку и говорит:

— Варись, похлёбка, а я пойду за детьми глядеть!

Снял дверь с петель, взвалил её на плечи себе и пошел в лес; вдруг навстречу ему Медведь шагает — удивился, рычит:

— Эй, ты, зачем дерево в лес несёшь?

Рассказал ему Иванушка, что с ним случилось, — Медведь сел на задние лапы и хохочет:

— Экой ты дурачок! Вот я тебя съем за это!

А Иванушка говорит:

— Ты лучше детей съешь, чтоб они в другой раз отца-матери слушались, в лес не бегали!

Медведь ещё сильнее смеётся, так и катается по земле со смеху!

— Никогда такого глупого не видал! Пойдём, я тебя жене своей покажу!

Повёл его к себе в берлогу. Иванушка идёт, дверью за сосны задевает.

— Да брось ты её! — говорит Медведь.

— Нет, я своему слову верен: обещал стеречь, так уж устерегу!

Пришли в берлогу. Медведь говорит жене:

— Гляди, Маша, какого я тебе дурачка привёл! Смехота!

А Иванушка спрашивает Медведицу:

— Тётя, не видала ребятишек?

— Мои — дома, спят.

— Ну-ка, покажи, не мои ли это?

Показала ему Медведица трёх медвежат; он говорит:

— Не эти, у меня двое было.

Тут и Медведица видит, что он глупенький, тоже смеётся:

— Да ведь у тебя человечьи дети были!

— Ну да, — сказал Иванушка, — разберёшь их, маленьких-то, какие чьи!

— Вот забавный! — удивилась Медведица и говорит мужу:

— Михайло Потапыч, не станем его есть, пусть он у нас в работах живёт!

— Ладно, — согласился Медведь, — он хоть и человек, да уж больно безобидный!

Дала Медведица Иванушке лукошко, приказывает:

— Поди-ка, набери малины лесной, — детишки проснутся, я их вкусненьким угощу!

— Ладно, это я могу! — сказал Иванушка. — А вы дверь постерегите!

Пошёл Иванушка в лесной малинник, набрал малины полное лукошко, сам досыта наелся, идёт назад к Медведице и поёт во всё горло:

— Эх, как неловки
Божьи коровки!
То ли дело — муравьи
Или ящерицы!

Пришёл в берлогу, кричит:

— Вот она, малина!

Медвежата подбежали к лукошку, рычат, толкают друг друга, кувыркаются, — очень рады!

А Иванушка, глядя на них, говорит:

— Эх-ма, жаль, что я не Медведь, а то и у меня дети были бы!

Медведь с женой хохочут.

— Ой, батюшки мои! — рычит Медведь. — Да с ним жить нельзя, со смеху помрёшь!

— Вот что, — говорит Иванушка, — вы тут постерегите дверь, а я пойду ребятишек искать, не то хозяин задаст мне!

А Медведица просит мужа:

— Миша, ты бы помог ему!

— Надо помочь, — согласился Медведь, — уж очень он смешной!

Пошёл Медведь с Иванушкой лесными тропами, идут — разговаривают по-приятельски:

— Ну и глупый же ты! — удивляется Медведь, а Иванушка спрашивает его:

— А ты — умный?

— Я-то?

— Ну да!

— Не знаю.

— И я не знаю. Ты — злой?

— Нет. Зачем?

— А по-моему — кто зол, тот и глуп. Я вот тоже не злой. Стало быть, оба мы с тобой не дураки будем!

— Ишь ты, как вывел! — удивился Медведь.

Вдруг — видят: сидят под кустом двое детей, уснули.

Медведь спрашивает:

— Это твои, что ли?

— Не знаю, — говорит Иванушка, — надо их спросить. Мои — есть хотели.

Разбудили детей, спрашивают:

— Хотите есть?

Те кричать:

— Давно хотим!

— Ну, — сказал Иванушка, — значит, это и есть мои! Теперь я поведу их в деревню, а ты, дядя, принеси, пожалуйста, дверь, а то самому мне некогда, мне ещё надобно похлёбку варить!

— Уж ладно! — сказал Медведь. — Принесу!

Идёт Иванушка сзади детей, смотрит за ними в землю, как ему приказано, а сам поёт:

— Эх, вот так чудеса!

Жуки ловят зайца.

Под кустом сидит лиса,

Очень удивляется!

Пришёл в избу, а уж хозяева из города воротились, видят: посреди избы кадушка, доверху водой налита, картошкой насыпана да мукой, детей нет, дверь тоже пропала, — сели они на лавку и плачут горько.

— О чем плачете? — спросил их Иванушка.

Тут увидали они детей, обрадовались, обнимают их, а Иванушку спрашивают, показывая на его стряпню в кадке:

— Это чего ты наделал?

— Похлёбку!

— Да разве так надо?

— А я почему знаю — как?

— А дверь куда девалась?

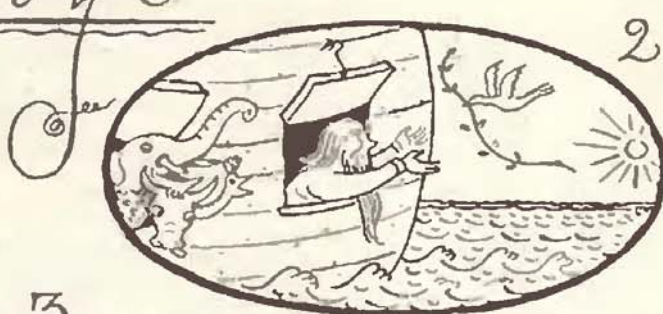
— Сейчас её принесут, — вот она!

Выглянули хозяева в окно, а по улице идёт Медведь, дверь тащит, народ от него во все стороны бежит, на крыши лезут, на деревья; собаки испугались — завязли, со страху, в плетнях, под воротами; только один рыжий петух храбро стоит среди улицы и кричит на Медведя:

— Кину в реку-у!...

Пересказал М. Горький

Р е б у с

3

Разгадка этого ребуса помещена на странице 55-й.

ВЕНОК ИЗ ВАСИЛЬКОВ

Любо василёчки
Видеть вдоль межи, —
Синенькие точки
В поле жёлтой ржи.

За цветком цветочек
Низко мы сорвём,
Синенький веночек
Для себя сплетём.

После, вдоль полоски,
К роще побежим.
Шепчутся берёзки
С небом голубым.

Сядем там на кочке...
Зной и тишина...
В голубом веночке
Высь отражена.

Там, внизу, под склоном, —
Нежный шум реки.
Здесь, в шатре зелёном,
Реют мотыльки.

Мы, как мотылёчки,
Здесь укрылись в тень,
В синеньком веночке,
В жаркий летний день.

Валерий Брюсов

ХОЧУ КОТЕНКА

Кто ты? бархатный медведь?
Ну и спи в покое.
А мне хочется иметь
Что-нибудь живое.

Надоели куклы все,
Поезд мой мудрёный...
Будто белка в колесе,
Вертятся вагоны.

Пикнул птенчик заводной
Так противно-тонко...
Уберите всё долой,
Дайте мне котёнка!

Мария Моравская

ДОМИК В САДУ

В саду было пусто. Только на полянке за ёлками на весь сад весело стучал топор. Стучал да стучал.

На стук топора из белого дома приплелась кошка Маргаритка. Села на кучу прошлогодних листьев и видит: стоит среди поляны рыжий плотник Данила и тешет брёвна.

Обошла кошка вокруг Данилы, обнюхала пахучую жёлтую щепку, которая, как сумасшедшая, прыгнула к ней на нос из-под топора, — и давай мяукать:

— Мяу-мур, мур-и-мяу, — я знаю, что это будет!

— А что, госпожа кошка? — вежливо спросил скворец с берёзы и нагнул вниз голову со своей жёрдочки.

— Мняу! Вам очень хочется знать?

— Чиви-вики, очень.

— Видите ли, в том белом доме живут две девочки...

— Розовая и белая?

— Мяу, да, и у них есть папа, такой огромный папа, в два раза больше самой большой собаки. Да. Так вот этот папа вчера заказал плотнику Даниле для своих девочек дом...

— Чики-вики, скворешник?

— По-вашему скворешник, а по-нашему — дом.

И вот — хлоп, где-то щёлкнула дверь, и с крыльца белого дома понеслись вперегонку к полянке две девочки: одна в розовом, поменьше, круглая, как колобок, — Тася; другая в белом, длинненькая и худая, как жёрдочка, — Лиля.

Прибежали и давай прыгать вокруг Данилы:

— Данила, Данилушка, миленький, самый миленький, когда же дом будет готов?

— Через месяц.

— Ай-яй-яй! Да вы не шутите, мы серьёзно вас спрашиваем...

— Ну через неделю.

Тася и Лиля посмотрели друг на друга и вздохнули:

— Вот тебе раз!

— Сегодня будет готово к обеду, — сказал Данила, улыбаясь в рыжую бороду. — А что мне за это будет?

— Всё! Всё, всё! Всё, что хотите, Данилушка!..

— Ладно. Всё так всё. — Гуп! гуп! — и топор опять заходил по бревну.

Распилил Данила бревно на четыре куска, заострил концы, словно карандаши очинил, и вбил в землю.

— Ловко! — сказала кошка, — это он будет пол настилать.

А из белого дома приковылял еще один человечек: кухаркин сынок, Василий Иванович, весом с курицу, двух лет с хвостиком, румяный, как помидор. Пришёл, палец в рот, вытаращил глазки, пустил слюну и смотрит.

— Васенька, иди-ка, червячок, сюда, посмотри, — позвала его Лиля и посадила рядом с собой на бревно. Сидят, как галки, все четверо: Лилия, Тася, кошка и Василий Иванович и смотрят. Хорошо!

А Данила старается. Знает он, каково ждать, когда дом строится!

Притащил из сарая доски, собрал быстро стенки, — хитрый был, молчал, а всё у него было заготовлено, — вставил раму, приложил так, чтобы окно к речке выходило, чтобы всё можно было видеть: и лодки, и уток, и купальную пёструю будку...

— Мур-мяу, — сказала кошка и ткнула Лилию головой, — окно со стеклом, как же я буду влезать?! Это он, верно, нарочно, за то, что я у него вчера ватрушку стянула...

— Да не приставай ты, чучелка! — Лилия не понимала кошкиного языка, да и некогда было с ней возиться.

— Данила, Данила, — запищала Тася, — а, Данила?

— Чего?

— Уже можно жить?

— По-го-ди...

— Какая смешная девочка! — заскрипела скворчиха над головою у Таси. — Как же можно жить без крыши и без дверцы? Ага, вот и дверцы! Какие большие и совсем не круглые! Ничего он не понимает, этот Данила...

Кошка посмотрела одним глазом на скворчиху и лениво зевнула:

— Мняу... Эй ты, скворечная курица, иди-ка лучше в свой ящик спать! Сама ты ничего не понимаешь, а ещё рассуждаешь, тоже...

Скворчиха сделала вид, что не слышит, — стоит ли со всякой кошкой связываться!

— С новосельем! — сказал Данила, взял топор под мышку, набил трубку, закурил и ушёл.

Ай-да домик! Настоящая крыша, настоящие дверцы, настоящее окно...

А внутри как хорошо, прямо запищишь от удовольствия. Стены строганные, светленькие, по бокам лавочки, как в вагоне. Под окном столик на крючках, смолой пахнет, чистенький такой, словно его кошка языком облизала. Окошко со стёклами, переливается, а за окном, как на ладошке, вся голубая река: утки плывут и кланяются, верба на берегу зелёными лентами машет, жёлтый катерок пробежал, фыркающая, как мокрая собака. Хорошо!

Посмотрела Лилия на Тасю, Тася — на Лилию, Василий Иванович — на кошку и кошка на всех, — вдруг что-то все вспомнили и сразу затормошились. А мебель? А картинки? А занавески? А кухня? А посуда?

— Ах ты, Боже мой, какие мы свистульки!

Подхватили девочки Василия Ивановича — одна справа, другая слева — под мышки, как самовар, и понеслись к дому. Кошка осталась. Ходит да нюхает всё: новый домик, надо же привыкнуть.

Смотрят с берёзы скворец и скворчиха и удивляются, — никогда еще в саду они такого чуда не видали. Впереди шагает Василий Иванович, пыхтит и волочит по земле красный коврик, за ним вприпрыжку Тася с целым кукольным семейством на руках, за ней Лиля с жестяной кухней, с резной полочкой, с самоваром, за ними мама с занавеской и посудой (такая большая, а с девочками играет!), за ней папа, широкий, как купальная будка, идёт, очками на солнце блестит, а в руке молоток и картинки, за ним кухарка с морковками, а в самом хвосте старая черная собака Арапка — ничего не несёт, идёт, язык высунула и тяжело дышит...

— Чики-вики, — запищала скворчиха, — идём скорей в скворешник, у меня даже голова закружилась...

Пошла работа! Разостлали в домике коврик, углы утыкали зелёной вербой, прибили картинку "мальчика-с-пальчика", приколотили полочку, расставили посуду, накололи занавеску, — и готово!

Папа с кухаркой Агашей были оба толстые и никак не могли пролезть в дверь, как ни старались. Поздравили девочек со двора с новосельем и ушли. А мама, маленькая, худенькая, осталась было с ними жить, всё расставила, всё прибрала, вытерла Василию Ивановичу нос, сняла с волос малиновую ленту и навязала её кошке, ради новоселья, вокруг шеи и только собралась с ними стряпать, как позвали её в белый дом... Ушла, как её ни просили остаться.

— Нельзя, — говорит, — червячки! У вас свой дом, у меня свой, — как же дом без хозяйки останется? До свиданья.

Так и ушла.

— А у нас кто же будет хозяйкой? — спросила Тася.

— Я! — сказала Лиля.

— А я?

— И ты тоже.

— А Василий Иванович?

— Наш сын.

— А кошка?

— Судомойка.

— Мняю! Скажите, пожалуйста! — обиделась кошка. — Почему судомойка?

— Потому, что тарелки лижешь, — захрипела старая Арапка, хлопая, как деревяшкой, хвостом по полу.

— А ты не лижешь?

— Лижу, да не твои.

— Эй, вы, не ссориться! — Тася топнула башмачком, взяла ведёрко и пошла к речке за водой.

Возле дома на траву поставили кухню, собрали щепок, растопили плиту, перемыли в ведёрке морковку, нарезали и поставили вариться, а сами опять в дом.

Только уселись и затворили дверцы — слышат, из белого дома кто-то спешит, задыхается.

— Молчать, сидеть тихо! — скомандовала Лиля.

Тася посмотрела в щёлку и уткнулась губами в Василия Ивановича: смешно, хоть на пол садись, а рассмеяться нельзя.

А за дверцами стоял важный человек: брат Витя, приготовишка, в длинных штанишках, с девочками играть не любил, — стоял и смотрел.

— Отворить? — шепнула Тася.

— Пусть попросит.

— Эй, вы! — раздалось за дверью.

Ни гу-гу.

— Что вы там, в самом деле, затворились?

Ни гу-гу.

— Да пустите же, курицы!

— Пустить? — опять шепнула Тася.

— Слушай, — Лиля подбежала к двери и взялась за крючок: — мы тебя пустим жить, только, только...

— Что только?

— Что ты нам принесёшь в дом?

— Жареного таракана.

— Кушай сам! Нет, — ты серьёзно скажи...

— А вот, а вот... я вам... выкрашу крышу!

Трах! Крючок слетел, и сама дверь чуть не спрыгнула с петель, дом так и закачался.

— Выкрасишь крышу?!

— Могу.

— В зелёную краску?

— Могу и в зелёную.

Витя был большой мастер. Через полчаса крыша была зелёная, как лягушка, и Витины руки были зелёные, и кошкин хвост был зелёный (зачем суётся?), и даже на Тасин башмак капнула зелёная краска.

Вода в кастрюльке закипела. Вытащили морковку, разрезали на кусочки, разложили на тарелочки и дали всем — и Василию Ивановичу, и Арапке, и кошке. А когда пообедали, опять заперли дверь на крючок, тесно-тесно уселись на лавочке и давай петь:

— Наш дом! Наш дом!

С окном!

С крыльцом!

Наш дом! Наш дом!

С потолком!

С крючком!..

Замечательная песня.

Целый день не вылезали из домика, и когда позвали их обедать в большой дом, так и не пошли: заставили всё принести себе в домик.

Так и просидели до вечера. Ночевать в домике им не позволили, да и холодно, — пришлось идти всей компанией в белый дом, в свою детскую. Ах, как не хотелось!

Ушли. Луна вылезла из-за речки. В домике стало пусто и тихо. Совсем тихо. Кошка проводила детей и вернулась. Обошла домик кругом, — дверь на задвижке. Какая досада! Там за лавочку во время обеда завалился кусочек котлеты, завтра прозеваешь — Арапка съест. Она на это мастерица!

Сидит кошка, зевает: идти в сарай на стружки спать или здесь перед дверью клубком свернуться? И вдруг прислушалась, — шуршит что-то в домике, шуршит да шуршит. Забежала с другой стороны, ухватила когтями за окно, смотрит — сидит на столике за стеклом мышь и ест кошкину котлету, лапками так и перебирает.

— Ах ты, разбойница!

Рассердилась кошка, даже зубами заскрипела. А мышь увидела её, смеётся, хвостиком машет, дразнит, — за стеклом не страшно.

Свалилась кошка на траву, посидела, подумала и пошла к дверям:

— Тут и лягу... Утром Лиля и Тася дверь откроют, — покажу я тебе, как чужие котлеты есть!..

Не знала она, глупая, что в углу, когда плотник Данила пол сбивал, один сучок из доски выскочил: много ли мышке надо, чтобы уйти?..

Саша Черный

ИЕРЕМИЯ-ЛЕНТЯЙ

СКАЗКА КС.БОГУСЛАВСКОЙ, РИСУНКИ ИВ.ПУНИ.

и-л-был старенький Парикмахер.

Седенький, сгорбленный, на животике ножницы привешаны, а от самого мылом да духами пахнет. Он был такой старенький и медлительный, что пока немножко волос сострижёт, уж другие на их месте вырастут.

У него был сын Иеремия, сонный и ленивый, как зимняя муха. Сидит, суп ест; ложку до рта не донесёт — заснёт, захрапит; поспит немного — проснётся, а уж суп холодный, — нести надо подогре-

вать. Согреется суп, сядет Иеремия его есть, да опять заснёт. Проснётся — опять тащи суп на печку.

Так он и не мог никогда досыта покушать.

Вот и говорит ему однажды отец:

— Стар я стал, да и вижу плохо: не дай Бог, застригу кого-нибудь до полусмерти. Пора тебе за работу приниматься. — Дал ему ножницы в руки и велел старое кресло стричь, из которого от дряхлости волосы вылезли.

А Иеремия уткнулся носом в стенку — засопел, захрапел, — спит.

Отцу это страшно не понравилось.

— Я тебя учу, — говорит, — а ты спишь. Ну, когда так, уж если ты такой ленивый, так убирайся с глаз моих долой.

Вытолкал Иеремию вон и дверь на цепочку закрыл.

Ушёл Иеремия из дому, пошёл куда глаза глядят.

Идёт день, идёт два — так долго шёл, что даже спать на ходу научился.

Вот однажды идёт, спит и вдруг споткнулся, открыл глаза, видит: на земле туго набитый кошелёк лежит. Хотел он его поднять, да лень нагнуться; подумал немножко, а потом решил — не стоит трудиться, и отправился дальше.

Шёл он часа полтора, прошёл шагов двадцать и столкнулся нос к носу с Маленьким Человечком в большущих очках. Ничего из-за очков и не видно, как будто одни очки на ножках идут.

Иеремия сразу догадался, что это колдун.

— Извините, — говорит, — я вас не ушиб ли?

— Вы моего кошелька не видали? — забасил вдруг колдун.

— Видел, видел, — сказал Иеремия.

— Где же кошелёк?

— А там же на дороге лежит, далеко отсюда, часа два ходьбы.

— Спаать?! — протянул Спиридон. — Да уж весь город две недели не спит, все сидят, думают, да плачут. Такая сырость развелась, что уж по улицам нельзя без калош пройти.

Тут вдруг из-за его плеча раздалось такое чиханье, что у Иеремии чуть шляпа не слетела с головы.

— Это Вег, — сказал Спиридон, — королевский куафер*, Адольф Вег.

— Глупый ты малый, а, видно, честный, — говорит колдун, — и пахнет от тебя мыльцем, уж не парикмахерский ли ты подмастерье? Вот дарю тебе в награду за честность эти Волшебные Ножницы.

И с этими словами исчез.

Иеремия положил ножницы в карман и пошёл дальше.

Наконец подошел к городу Первердасу.

Видит: огромные ворота, а город маленький, и на воротах объявление висит. Начал Иеремия читать, пять раз засыпал, пока читал, — такое длинное. Вот что было написано.

«Сим объявляется всем жителям Первердаса, что завтра устраивается пятое и последнее состязание парикмахеров.

Король Кирикус Пятой».

— Гм! — сказал Иеремия и вошёл в ворота. А под воротами Спиридон сидит, слёзы по щекам размазывает, а слёзы текут, текут — уж порядочное озерко наплакал.

— Что ты плачешь? — спрашивает Иеремия, — может быть, тебе спать хочется?

* Куафер — по-французски шпильник.

Куафер привстал и оказался весьма полным человеком на маленьких кривых ножках.

— Да, милостивый государь, — сказал он, сморкаясь и складывая платок в карман. — Вы видите перед собой парикмахера, которому грозит чувствительная неприятность. В высшей степени чувствительная неприятность.

И он рассказал Иеремии следующую историю:

— В этой стране царствовал могущественный король Кирикус. Король Кирикус ещё в детстве был необычайно умен, и от этого у него голова была тяжелее туловища, и когда он шёл, то всё головой об стулья хлопался. И так себе голову настукал, что вся она поросла шишками. Поэтому стричь короля очень неудобно: некрасивая прическа выходит. И вот на завтра назначено состязание: если найдется такой парикмахер, что короля красиво ёжиком подстрижёт, то будет он кататься, как сыр в масле. А не найдется — всех парикмахеров в тюрьму посадят. И так как король уже всех парикмахеров перепробовал, и ни у одного хорошо не выходило, то придётся, значит, всему сословию в тюрьму садиться.

После этого Адольф Вег захныкал, зачихал, зафыркал, но Иеремия не стал его слушать, а пошёл записываться на состязание.

Вот на другой день, когда пришла Иеремиина очередь, вытащил он Ножницы из кармана, приставил к королевскому затылку, а Ножницы как защёлкали, заскрипели, стригут вовсю сами — только волосы в разные стороны летят. Всем придворным глаза запорошило.

Одним словом, выстриг короля великолепно.

Король посмотрелся в зеркало и сказал:

— Ничего себе, красиво.

И взял его во дворец придворным куафером — жить да поживать, да по двадцать часов в сутки спать.

А остальное время Иеремия короля подстригал, прихорашивал, сам — стоит, ярлычки на флаконах с одеколоном читает, а Ножницы знай — стригут. Так прошло два года. Иеремия растолстел и ещё ленивее стал.

Но вот однажды ел король сардинки и капнул себе на горностаеву мантию. А мантия была дорогая.

— Экая досада, — сказал король королеве. — Самый лучший костюм испачкал, уж лучше бы я тебе на платье капнул.

Отдали мантию Иеремии и велели осторожно бензином почистить.

А Иеремии лень за бензином в аптеку сходить.

«Ну её, — думает, — завтра почищу.»

Положил мантию на стол, а сам спать завалился.

Так ему спать хотелось, что и Ножницы Волшебные на столе позабыл.

Только он захрапел, Ножницы принялись за работу.

Всю мантию выстригли чисто-начисто, под 1-й номер.

Утром Иеремия проснулся, сходил, купил на 10 копеек бензину да так и ахнул: видит — мантия стриженная.

Рассердился, схватил Ножницы и выкинул за окно.

А уж от короля гонцы за гонцами: подавай ему мантию, да поскорей, да не пахнет ли она бензином?

Наконец не дождался король, пошёл за мантией сам.

Иеремия слышит, по коридору кто-то топает, — приоткрыл дверь и остолбенел: сам Кирикус Пятый стоит в халате.

Ну, уж тут Иеремии никак было не отвертеться. Пришлось королю всё рассказать: и что у него Ножницы были волшебные, и как они мантию подстригли.

Дрожит Иеремия, рассказывает, а сам голову нет-нет и потрогает, — боится, чтоб от страха голова не отвалилась.

— Так, — сказал король. — Ну хорошо, Иеремия, предположим, я тебя казню. Так. А подавай мне сюда Ножницы!

— Да я их выкинул, — говорит Иеремия.

— Ах ты, сонная тетеря, — завопил король, — кто же меня стричь будет? Сел за стол и написал большущую бумагу:

«Приказываю своим подданным оставить все свои занятия и явиться к главному Министру Королевских Носовых Платков.

А виновные будут строго наказаны.

Король Кирикус Пятый».

Вот все подданные явились, дела свои побросав, и велел им министр поиски начинать. Ищут, ищут — ничего не могут найти.

Иеремия спит, сидя в тюрьме, подданные ищут, а король всё в зеркало смотрит, как у него волосы растут.

— А что, Машенька, — спрашивает королеву, — не пора ли уж стричь?

— Давно пора, — говорит королева.

— А позвать сюда Иеремию!

Привели его солдаты, сонного с соломы сняли.

— Ну, — говорит король, — даю тебе сроку три дня. Можешь выспаться хорошенько, а потом я тебя повешу. Но только сначала ты должен будешь меня подстричь. Плохо выйдет — придется повесить. Хорошо выйдет — сделаю тебя опять придворным парикмахером.

Пошёл Иеремия назад в тюрьму.

Сидел три дня и три ночи, всё думал, и весь сон с него соскочил.

Думал, думал, ничего придумать не мог.

Настал четвёртый день, открыл тюремщик тюрьму огромным ключом и потащил Иеремию за ворот во дворец.

А там король сидит, бушует, — никак пообедать хорошенько не может: волосы мешают, такие длинные отросли, что в глаза лезут и, как король кушать соберётся, на нос ему свесятся и в соусемокнут.

— Вот, — сказал король грустно и отодвинул тарелку, — совсем уже и кушать не могу, вот как волосами зарос. Стриги, Иеремия, скорей! Да смотри: чуть что не так — повешу!

От страха у Иеремии затряслись руки, но делать нечего. Взял он ножницы и так изуродовал царскую причёску, что ужас: стала голова как стог сена, из-за уха клочок мочала повис; на маковке просто веер получился. Все так и прыснули: «Вот так огородное чучело!»

— Ну что, — спрашивает король, — как выходит?

Глянул Иеремия одним глазком на придворных — видит: хохочут, смеются, подмигивают — очень смешная причёска.

— Ну, — повторил король, — что же вы молчите? Отвечайте.

Придворные со страху чуть не попадали, трепещут, не знают, что и сказать, — но так как неудобно сказать королю, что он безобразное пугало, то выступил из толпы первый министр и сказал, что у короля в новой причёске удивительно величественный вид.

— Га, так ты, значит, находишь, что я красавец? — сказал король, очень довольный.

— Изумительный красавец, восхитительный! — пропели королю придворные.

— Ну, а коли восхитительный, то и вы все извольте носить такие же причёски, а если кто не захочет, того я посажу в тюрьму.

Так все и ходят теперь в городе Первердасе как огородные чучела, с метёлками вместо причёски: ничего не поделаешь — мода.

А Иеремией король остался очень доволен, повесил ему на шею огромную золотую медаль с надписью «королевский цирюльник», и с тех пор Иеремия живёт да поживает в городе Короля Кирикуса, и лень с него как рукой сняло — открыл парикмахерскую и стрижёт весь город.

Я сам у него стригся на прошлой неделе, и теперь у меня такая причёска, что даже лошади на улице смеются.

ФОФКА

Детскую оклеили новыми обоями. Обои были очень хорошие, с голубыми цветочками.

Но никто не досмотрел, ни обойщик, который продавал обои, ни мама, которая их купила, ни нянька Анна, ни горничная Маша, ни кухарка Домна, словом никто, ни один человек, не досмотрел вот чего:

Маляр приклеил на самом верху, вдоль всего карниза, бумажную полосу. На полосе были нарисованы пять собак, а посередине их жёлтый цыплёнок, с пумпушкой на хвосте. Рядом опять сидят кружком пять собачек и цыплёнок. Рядом еще пять собачек и цыплёнок с пумпушкой. И так вдоль всей комнаты на самом верху под карнизом пять собачек стерегут жёлтого цыплёнка.

Маляр наклеил полосу, слез с лестницы и сказал:

— Ну-ну!

Но сказал таким голосом, что это было не просто — «ну-ну», а что-то похуже. Да и маляр был не обыкновенный маляр, до того испачканный красками и мелом, что никак нельзя рассмотреть, какой это был маляр. Звали его Панкратом. Когда он шёл по коридору и тащил лестницу, то сапоги его сами собою топали. Он взял деньги за работу, заворчал, надел дырявое пальто и вдруг пропал вместе с лестницей, точно его никогда и не было.

А потом и оказалось: мама никогда такой полосы с собаками и цыплёнком не покупала. Позвонили по телефону в магазин, оттуда ответили: «Виноваты-с, мы ничего не знаем».

Сначала мама рассердилась, потом пришла в детскую и сказала:

— Ну что же, очень мило — собачки и цыплёнок, — и велела нам ложиться спать.

Нас, детей, было двое у нашей мамы, я и Зина. Легли мы спать. Нянька зажгла лампадку и ушла. Зина мне и говорит:

— Знаешь что? А цыплёнка-то зовут Фофка.

Я спрашиваю:

— Как так Фофка?

— А вот так, сам увидишь.

Мы долго не могли заснуть, трусили. Вдруг Зина шепчет:

— У тебя глаза открытые?

— Нет, зажмуренные.

— Ты ничего не слышишь?

Я наострил оба уха, слышу — потрескивает где-то, попискивает. Открыл в одном глазу щёлку, смотрю — лампадка мигает, а по стене бегают тени, как мячики. В это время лампадка затрещала и погасла.

Зина сейчас же залезла ко мне под одеяло, закрылись мы с головой. Она и говорит:

— Фофка всё масло в лампадке выпил.

Я спрашиваю:

— А шарики зачем по стене прыгали?

— Это Фофка от собак убегал, слава Богу, они его поймали.

Наутро проснулись мы, смотрим — лампадка совсем пустая, а наверху, в одном месте, около Фофкиного клюва — масляная капля.

Мы сейчас же всё это рассказали маме, она ничему не поверила, засмеялась. Кухарка Домна засмеялась, горничная Маша засмеялась тоже, одна нянька Анна покачала головой.

Вечером Зина мне опять говорит:

— Ты видел, как нянька покачала головой?

— Видел.

— Что-то будет! Нянька не такой человек, чтобы напрасно головой качать. Ты знаешь, зачем у нас Фофка появился? В наказание за наши с тобой шалости. Вот почему нянька головой качала. Давай-ка лучше припомним все шалости, а то будет ещё хуже.

Начали мы припоминать. Припоминали, припоминали, припоминали и запутались. Я говорю:

— А помнишь, как мы на даче взяли гнилую доску и положили через ручей? Шёл портной в очках, мы кричим: «Идите, пожалуйста, через доску, здесь ближе». Доска сломалась и портной упал в воду. А потом Домна ему живот утюгом гладила, потому что он чихал.

Зина отвечает:

— Неправда, этого не было, это мы в книжке читали.

Я говорю:

— Ни в одной книжке про такую гадкую шалость не напишут. Это мы сами сделали.

Тогда Зина села ко мне на кровать, поджала губы и сказала противным голосом:

— А я говорю: напишут, а я говорю: в книжке, а я говорю: ты по ночам рыбу ловишь.

Этого, конечно, я снести не мог. Мы сейчас же поссорились. Вдруг кто-то царапнул страшно больно меня за нос. Смотрю: и Зина за нос держится.

— Ты что? — спрашиваю Зину. И она отвечает мне шёпотом:

— Фофка. Это он клюнул.

Тогда мы поняли, что нам не будет от Фофки житья.

Зина сейчас же заревела. Я подождал и тоже заревел. Пришла нянька, развела нас по постелям, сказала, что если мы не заснём сию же минуту, то Фофка отключет нам весь нос до самой щеки.

На другой день мы забрались в коридоре за шкаф. Зина говорит: — С Фофкой нужно прикончить.

Стали думать, как нам избавиться от Фофки. У Зины были деньги — на переводные картинки. Решили купить кнопок. Отпросились гулять и прямо побежали в магазин «Пчела». Там двое гимназистов приговорительного класса покупали картинки для наклеивания. Целая куча этих замечательных картинок лежала на прилавке, и сама госпожа «Пчела», с подвязанной щекой, любовалась, жалея с ними расстаться. И все-таки мы спросили у госпожи «Пчелы» кнопок на все тридцать копеек.

Потом вернулись домой, подождали, когда отец и мама уйдут со двора, прокрались в кабинет, где стояла деревянная, лакированная лестница от библиотеки, и притащили лестницу в детскую.

Зина взяла коробочку с кнопками, залезла на лестницу под самый потолок и сказала:

— Повторяй за мной: я с моим братом Никитой даем честное слово никогда не шалить, а если мы будем шалить, то не очень, а если даже очень будем шалить, то сами потребуем, чтобы нам не давали сладкого ни за обедом, ни за ужином, ни в четыре часа. А ты, Фофка, сгинь, чур, чур, пропади!

И когда мы сказали это оба громко в один голос, Зина приколола Фофку кнопкой к стене. И так приколола быстро и ловко, — не пикнул, ногой не дрыгнул. Всех было шестнадцать Фофок, и всех приколола кнопками Зина, а собачкам — каждой — носик помазала вареньем.

С тех пор Фофка нам больше не страшен. Хотя вчера поздно вечером на потолке началась было возня, писк и царапанье, но мы с Зиной спокойно заснули, потому что кнопки были не кое-какие кнопки, а куплены у госпожи «Пчелы».

Гр. Алексей Н. Толстой

РАЗГАДКА РЕБУСА,

помещенного на странице 39-й.

Первое — Ночь.

Второе — Ной.

Третье — Сто рож.

А всё вместе — вот.

СОДЕРЖАНИЕ

Обложка — работа худ. В. Лебедева.
Титульный лист — раб. худ. В. Лебедева.
Рисунок раб. худ. Александра Бенуа.
Самовар — рассказ М. Горького, рис. худ. Ю. Анненкова.
Зайчик — стих. Н. Венгрова, рис. худ. В. Лебедева.
Джек победитель великанов — английская народная сказка, пересказал К. Чуковский, рисунки худ. В. Замирайло.
Сказка о Глупом Царе — норвежская сказка, пересказал К. Чуковский, рис. Валентины Ходасевич.
Разговор Человека с Мышкой, которая ест его книги — стих. В. Ходасевича, рис. худ. Б. Попова.
Блошки — стих. Н. Венгрова, рис. худ. Ю. Анненкова.
Звери для хороших детей и звери для нехороших детей — рис. худ. А. Радакова.
Как пропала Баба-Яга — сказка Н. Любавиной, рис. худ. Б. Попова.
Моя учительница — стих. С. Дубновой и Н. Венгрова, рис. худ. В. Лебедева.
Два жука — стих. М. Моравской, рис. худ. С. Чехонина.
Трубочист — стих. С. Черного, рис. худ. В. Лебедева.
Про Иванушку-Дурачка — русская народная сказка, пересказал М. Горький, акварель И. Е. Репина.
Ребус — рис. худ. М. Добужинского.
Венок из васильков — стих. В. Брюсова, рис. худ. С. Чехонина.
Хочу котенка — стих. М. Моравской, рис. худ. С. Чехонина.
Домик в саду — рассказ С. Черного.
Иеремия дентяй — сказка К. Богуславской, рис. худ. Ив. Пуни.
Фофка — рассказ гр. Алексея Н. Толстого.
Разгадка ребуса.
Содержание.

